

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

СИБИРИАДА

ПОВИТЕЛЬ

Сибиряда

Анатолий Иванов

Повитель

«ВЕЧЕ»

1958

Иванов А. С.

Повитель / А. С. Иванов — «ВЕЧЕ», 1958 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-44-449015-0

«Повитель» – первый роман Анатолия Степановича Иванова (1928–1999), автора знаменитых эпических произведений «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». В нем раскрываются особенности русского национального характера, проведенного сквозь горнило революции и медные трубы строительства социализма. Загубленные судьбы сибиряков, попавших в путы повители государственного механизма, вызывают чувство боли. Снедаемый жаждой разбогатеть, Петр Бородин зарубил в лесу цыгана из-за мешочка с золотом. Тем же топором, не закричи жена Арина, он мог прикончить и сына Григория, чтобы избавиться от свидетеля. Так же как отец, Григорий Бородин видит смысл жизни в том, чтобы стать богатым, жениться на полюбившейся ему соседской дочке Дуняшке и зажить «хорошо, удобно, уютно». Но грянула революция, и все полетело под уклон. Пытаясь «вернуть на старое», Григорий идет в тайное услужение к колчаковцам, отслеживает по их заданию партизанский отряд Андрея Веселова, а в годы коллективизации вместе с Терентием Зеркаловым поджигает колхозные постройки, покушается на жизнь колхозных активистов, надеясь подрубить под самый корень дерево новой жизни. Ему энергично помогает отец, которого теперь уже боится и все яростнее ненавидит Григорий как свидетеля собственных преступлений...

ISBN 978-5-44-449015-0

© Иванов А. С., 1958

© ВЕЧЕ, 1958

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
1	6
2	10
3	12
4	15
5	17
Глава вторая	23
1	23
2	27
3	28
4	33
5	35
Глава третья	39
1	39
2	48
3	52
4	59
Глава четвертая	65
1	65
2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анатолий Степанович Иванов

Повитель

© Иванов А.С., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая

1

Маленькая речка, густо заросшая по берегам тальником и низким осинником, в самом центре деревушки круто заворачивает влево, образуя почти прямой угол. Оттого, видимо, и деревня называется Локти.

С трех сторон опоясывает ее неширокой лентой сосновый бор, а с четвертой, с северной, раскинулось большое озеро Алакуль.

За бором, прижавшим деревушку к самой воде, поблескивают на солнце плоскими лысинами редкие холмы. Выбегая из деревни, пробиваясь сквозь зеленый заслон, вьется между ними, свинцово отсвечивает пылью единственная дорога.

Весной отлогие склоны холмов распахивают, и тогда, если взойти на самый высокий из них, кажется: на старую, застиранную прошлогодними осенними дождями, вылинявшую под солнцем, до блеска заглаженную ветрами землю наложены новые черные заплаты.

А дальше за холмами начинаются непроходимые леса и болота. Они тянутся на много километров. Среди лесов попадаются иногда небольшие, домов в пятьдесят – семьдесят, деревеньки, жители которых задыхаются летом от болотных испарений. Эти испарения, если дует южный ветер, доносятся и до Локтей. Тогда в домах плотно закрывают окна и говорят:

– Задышало Гнилое болото. А ведь и там люди живут... Господи...

Локти – селение тоже небольшое, всего в несколько безымянных улиц. Но крайние дома так далеко разбрелись по берегу речки, что от одного конца до другого будет километра четыре. К этим домам протоптаны тропинки. По бокам тропинок растет высокий бурьян. К середине лета его выкашивают, – потому что после утренних рос или дождя пробраться к домам, не вымокнув по пояс, нельзя.

Главная улица деревни, широкая и пыльная, засажена тополями. Одним концом она упирается прямо в озеро, другим – в стену соснового бора.

В этих лесных и болотистых краях днем с огнем не сыщешь камня. Зато отлогий берег озера, там, где впадает в Алакуль речушка, щедро завален мелким галечником. А справа и слева от речушки, в полкилометре от устья, беспорядочно громоздятся угрюмые, голые скалы. Живший в Локтях ссыльный студент Федор Семенов называл почему-то галечник на берегу и эти скалы «шуткой природы». Часто он, пошевеливая густыми, черными как смоль бровями, подолгу любовался, как искрятся гранитные глыбы под лучами солнца. Жителям это казалось странным, а сам ссыльный чудаковатым человеком. «Скалы и скалы – эка невидаль». Они привыкли к скалам, как привыкли к озеру, к лесу, к болотам, к повседневной своей нелегкой жизни.

На берегу всегда веером рассыпаны лодки. Они похожи на громадных черных рыб, которые выплыли из пучины, приткнулись головами в мокрые камни и теперь с любопытством наблюдают, что происходит в деревне.

Около лодок целыми днями барахтаются в воде ребяташки. Зато под скалами никто никогда не купается, потому что там очень глубоко и тяжелые зеленоватые волны угрожающе плещутся, разбиваются о гранит даже в тихие дни.

Дремучий лес еще не так давно покрывал всю возвышенность за деревней. Но год от году деревья вырубали, жгли, по метру отвоевывали землю под пашни. И наконец засвистел по скользящим, лоснящимся от жира холмам упругий ветер.

А узкая полоска леса за околицей так и осталась нетронутой, отгораживая деревню от пахотных полей, от небосклона, от всего мира.

До ближайшего крупного поселения было верст пятьдесят. Говорили, что есть где-то далеко, за озером, большой город. Но где именно – знали только староста Гордей Зеркалов, два-три работника локтинского богатея Алексея Лопатина, возившие оттуда товары для его лавки, да сам Лопатин. Добраться до города можно было лишь зимой, когда устанавливалась дорога по озеру.

Лениво текла по деревне небольшая речушка, в мелкой и мутной воде ее плавали полусонные пескари. Так же лениво и сонно текла жизнь в Локтях.

С тех пор как началась война, деревня и вовсе будто вымерла. Ссылный студент куда-то исчез. Говорили, что сбежал. Мужиков взяли на фронт, а те, что пока остались, старались не показываться на улице, будто боялись потревожить застоявшуюся над Локтями тишину.

Но за год войны эта тишина нет-нет да и нарушалась. Случалось это обычно в дни доставки почты. То одна, то другая баба, ничего не видя перед собой, сжимая в кулаке страшную, только что полученную бумажку, бежала от дома старосты Гордея Зеркалова, завывая:

– А-а-а-и-и-и!

И все знали: осталась жена без мужа, дети без отца, семья без кормильца.

Крик постепенно захлебывался и стихал, придавленный висевшей над деревней тишиной.

* * *

День распался вовсю.

Старый бородатый цыган с большой серьгой в левом ухе медленно ехал по улице Локтей в скрипучем, расшатанном ходке и, поворачивая голову по сторонам, лениво и певуче выкрикивал:

– Коновалить кого есть?.. Есть кого коновалить?..

Иногда из какого-нибудь домишка выходили и молча махали рукой. Цыган-коновал останавливал ребристую, лохматую, как и сам, лошаденку, бросал ее прямо на улице и, захватив с собой обшарпанную кожаную сумку с нехитрыми инструментами, шел за хозяином в сарай. Лошаденка, мотая от жары головой, терпеливо ждала его возвращения.

Проехав из конца в конец улицу, цыган свернул в переулок и поехал, как обычно, к Бородиным. Их низенькая избенка с двумя тусклыми оконцами стояла на самом краю Локтей, упираясь огородом в стену леса. Была похожа она чем-то на подгулявшую старушонку, которая, вывалявшись в грязи, теперь сидела, согнутая, на земле, непонимающе поглядывая на мир выцветшими глазами.

Хозяин дома Петр Бородин, сухой, желтый старик с поредевшей бороденкой, завидев в окно цыгана, выскочил во двор, испуганно огляделся по сторонам и, впустив коновала в избу, усадил его подальше от окон. Он торопливо и угодливо сутился вокруг гостя, избегая смотреть ему в глаза.

Цыган расстегнул рубаху, достал из-за пазухи тяжелый кожаный мешочек, такой же обшарпанный, как и сумка, долго его развязывал. Петр Бородин нервно облизывал сухие губы. В бесцветных глазах его вспыхивал и гас, вспыхивал и гас огонек, крючковатые руки начинали трястись. Цыган брезгливо усмехнулся, кинул Бородину смятую разлохмаченную бумажку.

– На...

– Нету... Теперь уже не занимаюсь, нет... За это, знаешь, теперь что? Того и гляди тюрьма... Поволокут – только ногами застучишь...

И он снова опасливо глянул в окно.

Коновал достал из мешочка еще одну радужную бумажку.

– Попадись тебе в ловком месте – убьешь. Убьешь ведь, а?

– Господи, Христос с тобой! – побледнел Петр Бородин. – Мы – люди ведь... А ты... э-э...

Старый Бородин говорил длинно и сбивчиво, словно оправдывался. Цыган сидел на лавке у порога, покачивая головой, задумчиво мямля в толстых грязных пальцах деньги. Наконец он бросил старику вторую бумажку. Петр Бородин спрятал ее в карман холщовых штанов и быстро засеменил к выходу.

Через несколько минут возвратился, держа в руках отпотевшую, облепленную мякиной бутылку с синеватой жидкостью.

Цыган молча, стакан за стаканом, выпил весь самогон, вытер рукавом влажные толстые губы.

– А я вот убивал, – сказал он, возвращая пустую бутылку. Бородин только торопливо перекрестился. – При... приходилось. Ну, ну, ты... не трясись. Убивал... которые... попадались иной раз в лесу... ночью. Дело такое – наконовалю так вот за недельку, за две... Иные позарятся, ну и... Или тебя, или ты...

«Много уж ты наконовалишь, – подумал Бородин. – Не с этого у тебя золотишко-то водится».

– Оружие, стало быть, есть? – осторожно спросил он и тут же пожалел: цыган полоснул его черными, острыми как нож глазами, но ничего не ответил, только похлопал огромной волосатой рукой по карману широченных шаровар.

– Ну да, ну да, как же... всякие людишки болтаются по лесам, – торопливо замотал головой Бородин.

Цыган, пошатываясь, вышел из избы, сел на заскрипевший под ним ходок и поехал, негромко затянув непонятную песню. Его долго сопровождали улюлюкающие деревенские ребятишки.

Ходок давно скрылся за поворотом, а старик все еще стоял у окна, словно видел, как коновал, покачиваясь, едет по лесу, мимо болот, через глухие, пустынные места. Бородин не шевелился, только заскорузлые пальцы чуть дрожали да приподнимались и опускались кустистые белесые брови. Он не заметил, как со двора вошла жена. Вытирая платком слезящиеся глаза, она села на табуретку и закашлялась. Чохоточный румянец на ее щеках проступил еще ярче.

– Много дал-то? – спросила она, растирая рукой плоскую грудь.

– Сколько дал – все наши, – ответил Петр, отходя наконец от окна.

– В больницу бы мне, – тихо проговорила жена. – Кровью вон кашляю.

– Легко сказать – в больницу. – Старик скривил губы, поскреб всеми пальцами в затылке. – А платить чем? Болотной мяты попей вот...

– Пропаду я с твоей самогонкой – тогда все тебе останется, – с горечью сказала женщина. – В бане гниль, чад... Я ведь на пятнадцать годов тебя моложе, а кто поверит?

Бородин прошелся по комнате, побряхтел, стиснул рукой в кармане влажные бумажки.

– Бог терпел, Арина Маркеловна, и нам велел. Вот если бы... Через месяц, поди, опять приедет цыганишка-то... Тогда бы и в больни...

Старик запнулся на полуслове, попятился под взглядом жены.

– Ты! Ты опять за свое! – с отчаянием вскрикнула Арина, приподнялась, шагнула вперед, но тотчас остановилась. Она смотрела широко открытыми глазами, но не на мужа, а куда-то поверх его головы.

– Так что ж? Жить надо ведь... А ему что? Пропьет. А мы бы... Э-э! – бормотал Петр Бородин торопливым, свистящим шепотом. Шепот этот будто обезоружил женщину, отнял у нее все силы. Она тяжело опустилась на прежнее место и опять долго и тяжело кашляла.

– Я с твоей курилкой... будь она проклята, света белого, не вижу. Все боюсь – вдруг дознаются. А ты еще... Господи, дай хоть помереть спокойно. Ведь меня обдирает всю, как подумаю: в себе-то чего носишь?..

– Ну ладно, ладно. Бог с ними, в деньгами. Я к тому, что без нужды они ему.

Июльское солнце, казалось, насквозь прожигало ветхую избенку Бородиных. Прямые полосы света косо падали из маленьких окон на сучковатый, некрашенный пол и расплывались там желтоватыми масляными пятнами. Старик Бородин почему-то осторожно обходил их, словно боялся поскользнуться.

Арина долго еще сидела на табуретке не шевелясь.

– Ну, чего? – спросил Петр, останавливаясь возле нее. – Иди.

Вздвогнув, она поднялась, пошла к двери.

– Мы пропадем – один конец. О Гришке-то хоть подумай, пожалей. Ему ведь жить, – сказала Арина, оборачиваясь в дверях.

– Да сгинь ты с глаз, чтоб тебя!.. – взорвался вдруг Петр. – Я же сказал: бог с ними, с деньгами. Пусть пропивает их хоть в три цыганских глотки. – И тут же добавил тише, спокойнее: – А то не думаю я об нем... Гришке жить-гулять недолго осталось – солдатчина на носу. Вот и поразмысли сама...

К чему было сказано это последнее: «Вот и поразмысли сама», – Арина не поняла.

* * *

Мысль «выбиться в люди», разбогатеть, стать крепким хозяином сидела в Петре, как гвоздь в бревне. Глубоко кто-то загнал этот гвоздь в дерево, по самую шляпку, прижавел он там, и уж не вытащить его никакими клещами. Шляпку сорвешь, а гвоздь все-таки останется внутри. Разве вот расколоть бревно надвое...

Мечта была, но денег от того не прибавлялось, сколько ни экономил Петр от заработков жены, сына, своих собственных. С горя заходил иногда в деревенскую лавку Алексея Лопатина, приторговывавшего потихоньку водочкой, напивался.

Но однажды, когда Петр Бородин спросил по привычке бутылку водки, лавочник только угрюмо усмехнулся.

– Что, нету? – недоверчиво переспросил Петр.

– Есть, да не про твою честь. Запрещено теперь. Строго насчет этого.

«Тебе, черт пузатый, и раньше никто не разрешал торговать ей», – подумал Бородин, а вслух спросил:

– Почему запрещено?

– Война, – коротко ответил лавочник, будто Бородин сам не знал об этом.

Несколько дней Петр Бородин ходил молчаливый, что-то соображая. Потом начал гнать в бане самогон.

Однако капитала на этом нажить было тоже нельзя. Видя, что затея пустая, Петр хотел уже разбить аппарат, тем более что жена ныла день и ночь: «Дознается – пропадем. Сына-то пожалей...» Но тут появился в их доме цыган-коновал со своим кожаным мешочком. Краем глаза видел как-то Петр, что не только деньгами набит мешочек; колючим ослепительным огоньком блеснуло однажды между грязных пальцев цыгана золото – не то часы, не то кольцо... И Петр тотчас смутно подумал: «Нет, не надо разбивать пока аппарат. Не будет самогонки – не заглянет больше цыган ко мне в дом...»

А сейчас, сидя у окна, Петр размышлял, что цыган снова приедет...

Через дорогу напротив, у самой стены дома, расплавленным золотом горели под солнцем битые стекла, кололи, заставляли слезиться глаза. Но Петр Бородин смотрел на них не отрываясь, не мигая и, казалось, ни о чем не думая...

2

Цыган действительно приехал через месяц. Петр Бородин кинулся в сараюшку, где заранее припрятал бутылку самогона для коновала, а рядом с ней небольшой пузырек с темной жидкостью. Торопливо разрыл трясущимися руками солому. Бутылка была на месте, пузырек исчез.

С минуту Петр сидел на соломе растерянный, красный, пытаясь что-то сообразить. Потом тихо, потеряв неожиданно голос, позвал:

– Арина!.. – И погромче: – Ари-ина!!

Жена вошла в сарай с огорода. Завидев ее, старик молча встал, медленно, не разгибаясь, будто крадучись, пошел к ней. Глаза его сделались круглыми, остро поблескивали в полумраке. Молча он схватил жену за горло крючковатыми пальцами. И уже потом прошипел:

– Ты?.. С-стерва!..

– Брось... все... брось... Я его... в озеро... пузырек-то... от греха, – задыхаясь, шептала Арина.

Казалось, Петр с трудом выдавливает из нее по одному слову.

– Ах ты!.. Сука старая!.. А вдруг цыган не приедет больше? А?

– Проп... пропадем ведь!..

– Где?! Задую сейчас, коли правда в озеро кинула!..

– Правда...

– У-у-о!.. – глухо завыл Петр Бородин и, не помня себя от охватившей его злобы, уже изо всех сил сдавливал жене горло. Она, обмякшая, посиневшая, опустилась на колени.

– Вон там, на средней полке, – прошептала Арина почти без сознания.

Только теперь Петр разжал пальцы. Жена мягко, без стука упала на пол и, открывая рот, стала жадно глотать сырой, пахнувший навозом воздух.

Петр Бородин перешагнул через нее, подошел к шкафчику, прибитому в углу сарая. Там валялись на полках гнутые гвозди, старые гайки, ржавые железки, стояли банки с дегтем, колесной мазью. Бородин торопливо шарил руками по средней полке. Нашупав пузырек, зажал его в кулаке, облегченно засмеялся и пошел за бутылкой. Но отчего-то неожиданно почувствовал слабость. Резко закружилась голова. Он опустился на солому возле жены, посидел с полминуты.

Вдруг ему показалось, что он сидит тут уже давно-давно, несколько часов, и цыган, не дождавшись его, уехал. Он вскочил, схватил бутылку, выдернул пробку, сделанную из дряблой морковки, и налил в самогон из пузырька несколько капель.

Пока спешил к избе, в голове тупо колотилось одно и то же слово: «Уехал, уехал...»

Цыган сидел на прежнем месте, на табурете возле печки. Повернув навстречу Петру коротенькую смоляную бороду, спросил:

– Что долго?

Глаза Петра застилало черным туманом, в ушах что-то гудело, и он едва расслышал голос коновала.

– А-а... – растерянно заморгал глазами Петр и замолчал. – Э-э... с женой худо случилось... схватило в сарае, лежит там... Вот... – и протянул бутылку.

Цыган, ни слова не говоря, выпил весь самогон прямо из горлышка, помотал головой и вышел из избы. А Петр вытер холодный пот со лба. Когда сел на лавку и прислонился к стене, почувствовал – спина тоже мокрая и по всему телу ползет озноб...

Не сразу до его сознания донеслись удаляющиеся крики ребяташек. Значит, цыган поехал из Локтей! Петр глотнул сухим ртом воздух, метнулся к двери, схватил у порога топор.

В комнату, пошатываясь, вошла жена.

– Пропали мы... Господи... – простонала она. Опустившись на табуретку у печки, уронила голову на грудь.

– Не вой, сказал... – И добавил как-то плаксиво и жалобно: – Из-за ва-ас же...

Огородами Петр Бородин торопливо побежал к сосновому бору и нырнул в него. Он не замечал, что ветви хлещут по лицу, что ноги путаются в траве.

Когда увидел дорогу – цыган ехал уже между холмов. Лошадь плелась шагом. Коновал сидел на ходке как-то неестественно прямо. Широкая спина его тихо покачивалась из стороны в сторону.

Дорога делала здесь большой крюк. Петр смотрел вслед коновалу и часто-часто крестился. Потом пригнулся и, сокращая путь, побежал напрямик, по бездорожью, к чернеющим за холмами деревьям.

Где-то еще не кончился день, а здесь, в лесу, густились вечерние сумерки. Старик, тяжело дыша, прислонился к толстой сосне. Колени его подгибались, в горле першило. Донесшийся скрип колес словно подрезал Бородину, и он рухнул на землю, усыпанную старой ржавой хвоей, оцетинившимися сосновыми шишками. Сквозь придорожный кустарник увидел проезжающий мимо ходок. Цыган сидел по-прежнему прямо, точно в него воткнули железный стержень, и все так же тихо покачивался.

Когда скрип колес стал почти замирать, Петр Бородин, не выпуская топора, с трудом поднялся и заторопился следом. Но едва впереди, за поворотом, показался ходок, Бородин отпрянул в сторону, за кусты, терпеливо ждал, пока коновал удалится, шепча: «Господи!.. Не понес бы черт кого навстречу...»

Солнце садилось. Из глубины леса потянуло гнилой, болотной сыростью.

На одном из поворотов дороги Бородин, осторожно выглянув из-за кустов, не увидел ходка: скрип раздавался дальше, где-то за деревьями. Задышавшись, Бородин тяжелой рысцей побежал вперед и вдруг запнулся за что-то большое и мягкое. Поперек дороги лежал цыган.

Когда Петр перелетел через него и плашмя упал на плохо уезженную дорогу, коновал пошевелился и тяжело приподнялся на локте. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не поднимаясь с земли. Да один из них и не мог подняться. Он понял все и уронил голову.

А Петр Бородин, лежа на земле, торопливо шарил вокруг себя, ища выпавший из рук топор. Потом сел на корточки и так застыл: коновал опять приподнимался.

Равнодушный, погружающийся в густую холодную темень лес молчал, точно ожидая, что же будет дальше. Сквозь ветви сосен, почти сомкнувшихся над дорогой, осторожно проглядывала бледноватая распухшая луна.

Наконец Бородин, не разгибаясь, пододвинулся к цыгану. Слабо блеснуло лезвие топора и тотчас погасло, но цыган, очевидно, догадался, что это за блеск, и застонал – негромко, страшно, не разжимая губ.

– Ты прости Христа ради... Великий грех-то на душу – легко ли? А жизнь-то такая... Ты пойми, пойми... – приближаясь, шептал Бородин.

Услышав голос, цыган опять застонал, чужими, негнушимися пальцами принялся растегивать старую черную рубаху. Пуговицы не поддавались. Тогда он рванул ворот, снял с груди тяжелый кожаный мешочек, собрав последние силы, бросил Бородину и, уткнувшись лицом в землю, захрипел:

– На бери... Только меня... не надо... Отдышусь, может... никто не узнает.

Мешочек не упал на землю, старик подхватил его на лету и, почувствовав в руках тяжесть, беззвучно рассмеялся.

Но это была секунда. В следующее мгновение Бородин сунул мешочек за пазуху, поднялся во весь рост и уже твердым шагом подошел к цыгану.

– Не узнают, говоришь, людишки-то? – спросил он, чуть нагибаясь к лежащему у его ног коновалу. Спросил тихо, но властно, с таким чувством, будто стал теперь владельцем не только заветного кожаного мешочка, но и Локтей, и всей земли. – Оно верно: не узнают!

И, неторопливо размахнувшись, ударил коновала топором по голове.

А удар пришелся будто по его собственной. Петр Бородин даже ощутил, как лезвие топора – не то горячее, не то холодное – прошло сквозь череп и застряло там. В ушах зазвенело, а перед глазами, в темноте, как и полчаса назад, когда он бежал за телегой, поплыли оранжево-зеленоватые круги.

...Сколько времени просидел Петр Бородин на дороге – он не знал. Кругом стояла темень. Не было уже ни луны, ни звезд – небо, очевидно, затянуло тучами. Казалось, кругом на много верст нет, кроме него, никого живого.

Бородин сунул руку за пазуху, вытащил кожаный мешочек, подержал в руке, пытаясь зачем-то разглядеть его в темноте, и спрятал обратно.

Потом нагнулся, взял цыгана за плечи и потащил с дороги в кусты.

3

Локтинские парни, рубившие лес для постройки церкви (старая сгорела нынешней весной от несчастного случая), обедали на примятой сочной траве. Пообедав, молча закурили. Разговаривать никому не хотелось.

Гришка Бородин, костлявый, остроплечий, с рыжими, торчащими во все стороны вихрами, встал, сделал несколько шагов, сильно размахивая руками.

Странные это были руки. Длинные и тонкие, они кончались широкими, как лопаты, мозолистыми ладонями. Страшная сила таилась в них. Гришка легко завязывал в узел гвозди, вызывая восхищение и зависть локтинских мужиков.

Взяв в правую руку палку, он левой обхватил ствол дерева и проговорил, обращаясь к сидевшим парням:

– А ну, двое кто-нибудь, которые посильнее, держите. Выдернете – рубль отдаю. А нет – с вас по полтине.

Принять вызов Гришки Бородина никто не торопился. Наконец двое поднялись, поплевали на ладони. Но сколько ни дергали – ничего не добились. Казалось, палка была зажата не в руке Григория, а в клещах.

– А ну, третий еще! – торжествуя крикнул Гришка, поблескивая круглыми, как у отца, близко посаженными глазами.

И втроем не могли ничего сделать, только ладони ободрали о сучки. А Григорий насмешливо скривил губы, отбросил палку и вытер пот с маленького лба.

– Вот так! – проговорил он. – Что уж возьму – намертво. Никто не выдернет, не отберет.

– У тебя вся сила в руках, как у рака в клешнях, – заметил Андрей Веселов, рябоватый парень с густыми и жесткими, как конская грива, волосами. – А ударь тебя щелчком по лбу – ты и с копыт долой. Только в воздухе ногами брыкнешь.

– Я те ударю, – вдруг зло огрызнулся Григорий.

Его небольшие круглые глаза недобро поглядывали откуда-то из глубины, из-под нависшего плоского лба, ноздри раздувались, а нижняя челюсть неестественно выдалась вперед.

– Что же, попробовать можно, – лениво отозвался Веселов.

– Я те попробую, – тем же тоном проговорил Григорий, но, видя, что Веселов поднимается, трусливо сделал несколько шагов назад. – Но... ты... рябой дьявол.

– Охота тебе, Андрей, с таким связываться... – проговорил один из парней, коренастый, плотный, как камень, Тихон Ракитин – первый силач в Локтях. – Не тронь ты его, а то к речке стираться побежит.

– Я тебя схвачу где-нибудь... в узком месте поперек глотки, – отойдя в сторону, пробормотал Григорий, вытащил огромную, увесистую руку из кармана и показал Веселову. – Тогда попробуй вывернуться... Пискнешь только...

Андрей отвернулся, лег на мягкую траву спиной к Григорию.

– Что вы все как кошка с собакой? – спросил у Андрея Ракитин.

Веселов не отозвался. Ответил Ракитину долговязый, быстрый, как выюн, Федот Артюхин.

– Известно, что... Дуняшка промеж них проскочила.

Григорий тоже растянулся на траве. В задумчивости он сжимал и разжимал свои огромные руки-клешни.

Андрей перевернулся, заложил руки за спину и стал смотреть в высокое небо над лесом. Там истаявали небольшие ватные облачка да кружился вокруг них степной коршун, неведомо как залетевший в эти лесные края.

– Федька Семенов рассказывал, – тихо проговорил Веселов, – будто люди скоро по небу, как птицы, будут летать... Правда это или нет, как думаете?

– Знамо дело – врет, – откликнулся Артюхин. И пустился в рассуждения: – Птица, она почему летает? Потому что легкая. А человек-то – ого! Особенно некоторые... – Артюхин покосился на Гришку, – ...у кого этого самого внутри много... И потому что крылья у птицы есть. И кости опять же у птицы легче воздуху, пустые внутри...

Поковыряв в зубах, будто ел мясо, Артюхин взял с бревна сушившиеся портянки и начал обуваться. Потом спросил:

– И опять же – откуда у человека крылья возьмутся?

– Я тоже слышал от него, что будто построили где-то уж эти самые машины, на которых летают, – промолвил Тихон Ракитин.

Артюхин быстро поморгал круглыми глазами и уставился на Ракитина.

– Ч-чего?!

– Машины. По имени – аэропланы.

– Из чего это их izdelali?

– Не знаю. Про это Федька не говорил.

– То-то... Врет – и весь сказ! – торжествующе заключил Артюхин.

– Недаром – ссыльный, – вставил Григорий. – Ишо сбежал, гад.

– Тебе-то что? – поинтересовался Ракитин.

– Ништо. Не любил я его, – неопределенно ответил Григорий.

Облачка уже растаяли, небо было синим, ласковым и зовущим. Коршун, совсем не махая крыльями, все плавал и плавал в вышине широкими кругами. Андрей все смотрел на него, не шевелясь, не мигая, словно замороженный.

Жара немного опала, потянул ветерок.

– Ну, айда работать, – бросил Тихон Ракитин и тоже стал обуваться. – Лесин пяток завалим еще до вечера.

Андрей, не спуская глаз с птицы, проговорил:

– А я с охотой полетел бы на той машине, про которую Федька Семенов рассказывал.

– Чего, чего? – опять заморгал Артюхин. – И брякнулся бы с неба-то! Как пить дать. Хе-хе, вот бы Гришка-то обрадовался. Да и зачем тебе летать?

– Посмотреть бы, как люди на земле живут, – ответил Веселов. – Рассказывал Семенов, что есть на свете такая страна, где нету богачей-мироедов, вроде нашего Лопатина или Гордея, нету горя. Помнишь, Тихон?

– Помню. Там все пашут сообща, хлеб сеют. Только сказки это. Нету такой страны.

– Ну как нету, когда Федька говорил, что есть, – возразил Андрей.

Ракитин ничего не ответил. Вместо него опять подал голос Григорий:

– Набрехал да сбежал. Одно слово – ссылный...

– Верно говорит Тихон – нету, – вмешался Артюхин, уже расхаживающий по траве. – А кабы была – богачи уж прибрали бы ее к рукам. Ты на этом самом... как его... лететь туда хошь, а наш Лопатин быстрее тебя пешком бы туда прибежал да заграбастал все. Ты прилетел, а он тебе – кукиш.

Андрей Веселов поднялся с земли, молча взял свой топор.

– Ну а ты чего разлегся, как барин! – крикнул Ракитин Григорию. – Вставай.

Григорий молча поднялся, но пошел не к парням, которые уж валили столетнюю красоту сосну, а совсем в другую сторону.

– Вот паскуда, – услышал он за спиной, но не обернулся, ничего не ответил.

* * *

Часа полтора просидел Гришка Бородин над омутком спокойной, уснувшей, казалось, навеки лесной речки, смотрел на свое отражение в воде, о чем-то думал, крепко стиснув зубы, отчего нижняя челюсть опять сильно выдавалась вперед.

Возвращался домой Григорий еще засветло. Выйдя из леса на дорогу, снял разношенные, хлябавшие на ногах тяжелые сапоги и зашагал по мягкой прохладной пыли.

Неожиданно взгляд его упал на продолговатый предмет, напоминающий топориче, торчащий впереди из придорожного кустарника. Подойдя поближе, он увидел, что это в самом деле топор.

«Какой-то разиня ехал да потерял, – подумал Григорий, нагибаясь. – Стоп, да ведь наш топор-то. Разиня, выходит, батя».

А подняв топор, несколько секунд тупо смотрел на лезвие, чувствуя, как холодеет в животе. Весь топор был в черной засохшей крови. Местами кровь запеклась сгустками, и к одному из них прилип черный клочок не то волос, не то шерсти.

«Что он, скотину, что ли, рубил?» – изумился Гришка, переворачивая в руках топор, и немного успокоился. На ум пришла мысль: «Может, батя увидел отставшую от стада корову, да и... Ведь вчера я лег спать поздно, а его все не было дома...»

Парень огляделся. Кустарник возле дороги был немного помят, некоторые веточки сломаны и уже успели призадохнуть. Значит, сломаны они были утром или прошлой ночью.

Гришка несмело перешагнул через кустарник и осторожно пошел по лесу. Там, между деревьев, трава тоже была примята – по ней волоком протаскивали что-то большое и тяжелое.

Он в нерешительности остановился. Дальше идти становилось страшно. Но, постояв и подумав, сделал еще несколько шагов вперед.

Сделал – и вдруг на секунду замер, а затем отпрянул в сторону. Хотел бежать Гришка прямо через лес в деревню, подальше от этого места, но не мог: ноги подкосились, он свалился на землю... И совсем рядом с ним лежало тело цыгана, чуть закиданное сухими ветками и вялой травой, вырванной с корнями, с землей. Голова коновала была окровавлена, рубаха на груди разорвана, черная борода торчала дыбом, пальцы рук судорожно скрючены. В одной руке цыган сжимал комья земли вместе с травой: будто он сам закидывал себя, умирая, и завалил бы совсем, да не успел – смерть прервала работу.

Опомнившись, Гришка пополз прочь. А выйдя на дорогу, остановился, пораженный неожиданной мыслью: «А если поедет кто мимо да найдет... его?..»

Идти назад и прятать мертвое тело было страшно. Может быть, Григорий и не решился бы на это, но вдруг услышал, что где-то недалеко стучали по корням, приближаясь, колеса телеги.

Ему казалось, подвода приближается так быстро, что вот-вот будет рядом. Григорий нырнул в кусты. Гулко колотилось сердце, и он старался не дышать, чтобы как-то унять этот стук.

Когда телега проехала, Григорий осторожно приподнялся и, пригнувшись зачем-то, медленно двинулся к тому месту, где лежал цыган. Шел, стараясь не хрустнуть сучком под ногами, опасаясь задеть ветку дерева... А подойдя, не ощутил уже прежнего страха. Деловито отбросив сучья, накиданные на мертвое тело, он приподнял цыгана, с трудом взвалил его себе на плечи и, покачиваясь под его тяжестью, пошел в глубь леса, подальше от дороги.

В диком и глухом месте Григорий сбросил тело с плеч, присел отдохнуть. Не отдышавшись как следует, поспешно вскочил и начал рубить топором землю. Комья сырой, холодной земли, пахнущие болотом, перемешанные с корнями трав, мелкими желтоватыми корнями деревьев, выгребал широченными руками-лопатами.

Выкопав яму, Гришка столкнул туда цыгана, засыпал его землей, закидал прелыми прошлогодними листьями...

4

Солнце, скользнув последний раз по дырявым крышам домишек, по оконным стеклам, по рябоватой глади озера, скрылось за лесом. А из леса выползал сыроватый сумрак, струился по улицам, скрадывая, растворяя очертания предметов.

Гришка, поужинав, вышел во двор и несколько минут смотрел в сторону озера, заложив руки в карманы измятых холщовых штанов. Локти его острыми углами торчали за спиной.

Григорий видел, как из лесу вышел отец и, чтобы сократить путь, свернул с дороги к своему огороду, перелез сквозь изгородину и пошел к дому между грядок. В руках у него была лопата.

Подойдя, Петр бросил лопату в открытую дверь дощатой сараюшки, сел на выщербленную чурку для рубки дров, опустил голову, не обращая внимания на сына. Видно было, что старик бродил где-то по лесу, продираясь сквозь густые и цепкие заросли. Узловатые, высохшие руки его были исцарапаны, рубаха в двух местах порвана. В спутанной бороде застряла сухая игла от сосновой ветки. «По земле полозил...» – подумал Гришка и спросил:

– Куда это ходил с лопатой?

– На кудыкину гору, – зло ответил отец.

Григорий помолчал, чуть насмешливо осмотрел отца с головы до ног. Почувствовав на себе этот необычный, какой-то обдирающий взгляд, Петр Бородин беспокойно повернулся к сыну:

– Ты чего?

– Я-то? – Гришка уже откровенно усмехнулся. – А может, топор в лесу искал?

В одно мгновение старик оказался на ногах. Он что-то хотел сказать, но только беззвучно шевелил губами. Наконец вымолвил еле-еле:

– Так...

– Вон он, топор-то, в углу. Возьми.

Отец, ни слова не говоря, послушно повернулся, прошел в угол двора, где лежали заготовленные на зиму сухие сучья. Шел мелкими шажками, устало и тяжело волоча ноги. Поднял топор, валявшийся возле сушняка, посплюнул зачем-то палец и попробовал лезвие на остроту.

– Что, не затупился? – издевательски спросил Гришка.

И тогда случилось неожиданное. Старик, не выпуская топора, сверкнул налитыми кровью глазами и стремительно бросился к сыну. Тот, растерявшись, отскочил и невольно юркнул в первое попавшееся на глаза убежище – в сараюшку. Петр вбежал туда же, захлопнул за собой дверь, прижал ее спиной и, задыхаясь, прохрипел:

– Ведь я и тебя, сукин ты сын, если только...

Григорий в первые секунды даже не понял толком, что же произошло, метнулся из угла в угол, потом обернулся, увидел перед собой в полумраке отца с топором в руке, прилип спиной к стене. И только тогда зазвенело, забилося под его узким невысоким лбом: «Ведь убьет! Убьет! Ему что!..»

И в этот же миг за дверью раздалось:

– Гри-и-ишенька-а!..

Арина, увидев в окно, что муж кинулся за сыном с топором, растрепанная, обезумевшая, выскочила из избы, со всего разбегу ударилась мягким, дряблым телом в дверь сараюшки, которую Петр изнутри подпирает спиной, и осела на землю, заголосила тонко, пронзительно:

– Люди добрые! Решит мальчонку, помо...

Петр распахнул дверь, и Арина ввалилась в сарай, упала на унавоженный пол. Петр опять захлопнул дверь, опять прижал ее спиной и крикнул:

– Не реви, дура! – И уже тише проговорил: – Вы что? В кандалы меня захотели?

– Очнись, окаянный! Душегуб ты...

– Да замолчи ты! – Не соображая, что делает, Петр пнул жену ногой в лицо.

Она вскрикнула, зажала лицо руками и, не поднимаясь, тонко, жалобно завывала.

Гришка понял, что самое опасное миновало, что к отцу возвратился разум.

Однако он еще боялся пошевелиться. Стоя у стены, он переводил широко открытые глаза то на отца, то на мать.

Отец часто и глубоко дышал, сильно вытягивал шею. Потом размахнулся и бросил топор в другой угол сарая. Глотнув слюну, Григорий примиряюще проговорил:

– Зачем же, батя, так-то?..

Опять начала подвывать Арина.

– Эх, жизнь-то такая... – тоскливо сказал вдруг Петр Бородин и медленно начал оседать на землю, скользя спиной по двери.

– Вот, Гришенька, дожились мы – зашептала Арина. – Господи, подумать только – человека решил из-за денег... Ведь он зельем опоил его сперва, а потом добил где-то...

Петр сидел, странно поглядывая на жену, прислушиваясь. Но не перебивал, будто и не о нем шла речь.

Пошатываясь, Арина стала подниматься с земли. Побрела в угол сарая, закрывая одной рукой разбитое лицо, подобрала топор и пошла к выходу.

– Посторонись ты, дьявол.

Петр послушно отодвинулся. Сделался он вдруг каким-то податливым, безучастным уже ко всему. Даже когда Арина обернулась в дверях со словами: «Пусть судит Бог, коль не вытерплю и расскажу все людям», – он только усмехнулся да качнул головой.

Когда Арина ушла, отец и сын помолчали еще немного. Наконец Петр спросил:

– Зачем зарыл... его?

– Мать-то вот докажет, тогда что? – вместо ответа произнес Гришка.

– Мать?... А ты не докажешь?

И снова не ответил Гришка, положил руки в карманы и вышел из сарая на свежий воздух.

* * *

Ночью Арина, лежа на скрипучей деревянной кровати, натужно, с кровью, кашляла, бормотала что-то в бреду. Петр, спавший на лавке, поднялся, зажег лампу.

– Чего, батя, не спится? Или мерещится что в темноте? – насмешливо спросил Григорий, приподнимая голову с овчинного тулупа, расстеленного на полу.

– Дурак ты, чего зубы скалишь?!

– Много ли денег разжился?

– Сколько есть – все мои...

– Твои? – Григорий сел на полу и еще раз переспросил: – Значит, все твои?

Отец быстро повернулся к сыну всем телом. Но Григорий как бы не заметил этого беспокойного движения отца, лениво зевнул, лег на свое место, положил руки под голову и спросил:

– А если в самом деле люди дознаются? Ведь до смерти будешь кандалами звенеть.

Отец сорвался с места, закружился по избенке, выкрикивая:

– На! Бери!.. Чем с живого жилы тянуть!.. – Выхватив из-за пазухи кожаный мешочек, швырнул его Григорию точно так же, как цыган кинул ему. И продолжал метаться из угла в угол. – А то иди докажи! На отца родного... Чего меня страшить? И буду звенеть железом в каторге!.. За вас буду!.. Вот... Волк ты, Гриш-ка-а-а-а!.. Вырастил я тебя...

Но едва Григорий протянул руку, чтобы поднять мешочек, Петр ястребом кинулся на сына, с силой отбросил его к самой стене, схватил обеими руками деньги.

– Не грабастай, ты, змееныш!..

Григорий больно ударился затылком о стену, но не вскрикнул.

– Иди! Доказывай! – не унимался отец. – А то я доберусь до тебя как-нибудь пораньше, я тебе расколю головешку, попомни...

На кровати металась Арина. Петр, кивнув в ее сторону, продолжал плаксиво:

– Вот и мать, старая ведьма... Выдаст ведь, знаю... А я что? Для себя, что ли?... Задавить бы вас обоих в один час...

– Ты разум, батя, потерял там... на дороге, – проговорил Григорий, потирая ушибленную голову. – Кто тебя выдавать собирается? Зачем бы мне тогда закапывать цыгана?

Петр Бородин удивленно слушал сына, часто моргая слезящимися глазами.

Гришка лег на тулуп, повернулся к стене, проговорил:

– Туши свет, чего людской интерес привлекать на огонь.

Арина до самого утра билась на кровати в жару, задыхаясь от духоты, бормотала что-то. Ни муж, ни сын не подошли к ней.

5

Был воскресный день.

Лето подходило к концу. С утра на почерневших огородных бурьянах, на прибрежных гальках, на придорожной траве лежала щедрая, дымящаяся роса. Поднявшееся из-за озера негорячее солнце долго сушило их, над землей струился жиденький, еле заметный парок. Земля и воздух нагревались медленно, но в полдень ребятишки, предводительствуемые хлипким, длинношеем Ванькой Бутылкиным и толстощеком Гошкой Тушковым, бегали по улицам уже босиком.

Григорий Бородин в новой синей рубахе не спеша шагал по улице, держа по обыкновению руки в карманах. От него пахло самогонкой. Под мышкой торчал небольшой сверток.

В самом центре деревушки белел сруб строящейся новой церкви. Поп Афанасий, подоткнув полы длинной рясы, бродил возле стен, трогая желтоватые бревна, а потом нюхал пальцы.

Григорий не любил попу и хотел было свернуть в переулок, но отец Афанасий подозвал его жестом.

– Благослови, батюшка, – смиренно нагнул голову Григорий, подходя.

Поп перекрестил его и опять понюхал пальцы.

– Ты вот что скажи отцу духовному – почему на работу перестал ходить? Я новый дом хочу строить себе, лес нужен, а валить почти некому. Андрея Веселова не сегодня завтра в солдаты берут...

– В солдаты? – живо переспросил Григорий.

– И Тихона Ракитина, и Федота Артюхина...

– Вон что?

– А ведь лес-то мне нужен. Я заплачу и отпущу все смертные и бессмертные грехи твои, и отца твоего, и матери твоей.

При упоминании смертного греха Гришка невольно отшатнулся от попа, и отец Афанасий тотчас нагнулся и вкрадчиво шепнул в ухо:

– Есть, стало быть, за душой грешок тяжкий?

– Что ты, что ты, батюшка... Нету такого.

Поп сурово глянул, отступил на один шаг.

– Ну, запомни на будущее: всякий грех отец святой отпустить волен... Так пойдешь завтра в лес?

– Пойду, батюшка, – ответил Григорий.

«Черта с два теперь буду тебе лес рубить, старый сыч, как же, жди... – думал он. – А Андрюху, значит, забирают... Так-так!.. Вон какие дела...»

И Григорий пошел не оглядываясь.

Скоро он свернул с дороги и едва приметной тропинкой вышел на окраину к побеленной избушке. Здесь жила Дуняшка со своей бабушкой, давно ослепшей и настолько дряхлой, что казалось, подует ветерок – упадет она и больше не поднимется.

Дуняшке шел семнадцатый год. Это была невысокая черноволосая девушка с тихим голосом, с какой-то совсем детской, всегда виноватой улыбкой.

Своих родителей Дуняшка не помнила. Они умерли от холеры, когда ей не было еще и трех лет. С тех пор Дуняшка и живет с бабушкой, ведет нехитрое хозяйство, ходит мыть полы, стирать белье и полоть огороды к старосте Зеркалову, лавочнику Алексею Лопатину, отцу Афанасию.

Когда Григорий стукнул дверями в сенях, Дуняшка, убиравшая со стола, быстро обернулась на звук, в серых глазах ее несмело блеснул радостный огонек, засветилась улыбка. Но едва увидела входившего, потушила эту улыбку, бросила растерянный и встревоженный взгляд на бабушку, сидевшую на кровати, словно ища защиты.

– Здравствуйте, – проговорил Григорий, перешагнув порог.

– Милости просим. Проходи, гостем будешь, – прошамкала старуха беззубым ртом, вглядываясь в пришедшего невидящими глазами. Потом повернулась к внучке: – Кто это, Дунюшка? Не могу узнать по голосу-то...

Девушка промолчала.

– Вижу – лучше в горло кость, чем такой гость, – хмуро усмехнулся Григорий.

Прошел, сел на некрашеную табуретку, спросил у старухи:

– Живешь еще? Я думал – померла уже...

– Это Гришка, что ли, Бородин?.. Помереть-то мне пора, да смерть никак не идет... Заплуталась где-то...

В сенях опять стукнула дверь.

В комнату вошла нищенка лет пятнадцати, грязная, оборванная. Робко прижалась к косяку, протянула тонким голоском, готовым каждое мгновение оборваться:

– Ради праздничка... подайте корочку...

Григорий Бородин пошарил в кармане, достал смятый рубль, бросил нищенке.

– На... Убирайся только...

Деньги упали на пол, к ногам девочки. Нищенка не поднимала их, только широко открытыми синими глазами испуганно смотрела на Григория.

– Ты чего? Бери, коль дают.

– Не... Мне бы кусочек хлеба... и ладно. А деньги не надо. Ведь спросят – где взяла столько? Украла, скажут...

Григорий встал, поднял деньги и протянул девочке. Та попятилась, замахала руками.

– Нет, нет... Нету хлеба – и ладно.

– Тьфу, – сплюнул Гришка, положил деньги себе в карман и сел на прежнее место.

Дуняшка, стоя у печки, молча и удивленно наблюдала и за незванным гостем, и за нищенкой. Потом достала из шкафа ломоть хлеба:

– На, возьми...

Худенькой, давно не мытой рукой нищенка схватила хлеб, тотчас спрятала его в свои лохмотья и хотела уйти, но старуха, тяжело поднимаясь с кровати, проговорила:

– Ты постой, доченька...

Перебираясь по стене, старуха подошла к совсем оробевшей нищенке, стала ощупывать восковыми, просвечивающими, казалось, насквозь руками ее голову, замотанную рваной тряпкой, худые плечи...

– Ты откуда, доченька? – спросила старуха.

– Так... – ответила негромко девочка, – хожу по деревням...

– Звать-то как?

– Аниской.

– Отца-матери, стало быть, нет?

– Нету... Мы приезжие были. Из-под Смоленска, – чуть осмелев, рассказывала Аниска.

– Однако... есть, поди, хочешь, доченька?

– Нет... Не сильно... Я вчера ела... Мы жили в деревне на той стороне озера. С отцом жили... Потом он потонул пьяный в озере, а мать еще дорогой померла, когда сюда ехали...

Григорий, сидя на табуретке, поглядывал то на старуху, то на девочку-нищенку, то на Дуняшку. Он положил сверток на колени, но не разворачивал, словно ожидая, когда его попросят это сделать.

– Сиротинушка ты моя, – жалостливо говорила старуха, поглаживая Аниску по голове. – Бездомная...

– Летом-то ничего. Зимой вот плохо. Иногда попрошусь к кому-нибудь ночевать. Пускают мало кто – боятся, что обокраду... По субботам хорошо, – продолжала Аниска, – бани топят. Когда все вымоются – зайду и сплю. Тепло. И на другую ночь ничего, терпеть можно. А потом выстывает... А то еще во дворе можно, со скотиной. К овце прижмешься, она теплая, как печка. Только закрывают многие дворы-то на ночь... – Голос Аниски иногда прерывался, тогда она часто моргала, хмурила лоб, будто вспоминая, что еще рассказать этой ласковой слепой старухе.

– Врешь ты все, – сказал вдруг Григорий.

Аниска вздрогнула и замолчала, вытянув длинную худую шею в сторону Григория. Старуха тоже повернулась к нему:

– Кого обижаешь, варнак ты этакий? Грех бы вроде.

Григорий усмехнулся, поерзал на табуретке.

– Ничего... Отец Афанасий сейчас сказал: все грехи отпущу тебе...

Старуха пожевала ввалившимся ртом, сказала, обращаясь к Дуняшке:

– Собери-ка там чего на стол, покорми скиталицу... Да и помыть бы ее. Поди, грязная.

– Я сейчас... Воды вот, бабуся, нету. Я мигом сбегаю на озеро...

Дуняшка торопливо сорвалась с места. Когда пробежала мимо Григория, тот схватил ее за руку:

– Ведь я к тебе пришел. Поговорить бы... А ты бежишь...

– Пусти!

– Ну ладно, пушу, – покорно сказал Григорий, встал и вышел следом в сенцы.

Взяв в сенях ведра, Дуняшка сняла со стенки коромысло и повернулась. Григорий придержал ногой дверь, которую Дуняшка хотела открыть.

– Ну, чего ты? – негромко спросила девушка, отступив на шаг. – Хочешь, чтобы коромыслом огрела?

– Зря ты, Дуняшка... Я ведь по-хорошему...

– Я тебе давно сказала, и тоже по-хорошему – не ходи за мной, и все.

Опустив голову, Григорий помолчал.

– Говорила... Я что, слепой? Вижу – не меня ждала, Андрея.

И вдруг перешел на шепот, заговорил торопливо, будто боялся, что она опять перебьет его:

– Ну а что мне делать, что делать, если... не могу я собой владеть?.. Вот и пришел... вот и хожу... Я... не ручаюсь за себя... И убью его, если...

Дуняшка негромко вскрикнула и зажала себе рот ладонью:

– Что ты мелешь? Что ты мелешь, опомнись!..

– А тебя – скажи слово – на руках носить буду, – продолжал он, подходя к Дуняшке. – Одну тебя, как картинку... Вот, тебе принес...

Гришка быстро развернул сверток. Лучи солнца, падавшие сквозь щелястую крышу сенок, заиграли на добротном розоватом сатине, который Григорий протягивал Дуняшке.

– Возьми, на платье... Андрей – тот не подарит...

Дуняшка стояла, не трогаясь с места, смотрела на материю. Потом подняла глаза на Григория, усмехнулась:

– Вижу – богатый стал... Нищенке целый рубль подать хотел, мне сатину на платье...

– А что? Ты не смотри, что я... такой... сейчас. Мы еще заживем, Дуняшка, я тебе правду говорю... Не хуже лавочника Лопатина заживем или там Гордея Зеркалова... Только ты скажи... одно слово...

– Скажу, – промолвила она. – Уходи отсюда!.. Сейчас же...

– Дуняшка!..

Григорий еще хотел сказать что-то, но не успел. Дверь в сенцы отворилась, на пороге стоял Веселов.

Увидев Дуняшку и Григория, Андрей в первую секунду опешил.

– Так...

Дуняшка хотела выйти, но Веселов загородил собой двери...

– Нет уж, погоди... Тут разобраться надо...

– Чего разбираться? Видишь – человек на платье дарит мне...

Дуняшка оттолкнула Андрея, выскочила из сенок, перекинула коромысло через плечо и пошла к озеру. Андрей посмотрел ей вслед и повернулся к Григорию. Тот торопливо комкал шуршащий сатин, стараясь завернуть его снова в бумагу.

– Что уставился? – буркнул он.

– А вот что... Она говорила тебе, чтобы ты забыл сюда дорогу?

– Не помню что-то... А вот как приглашала в гости – помню...

– Приглашала? – переспросил тяжело Андрей. – В гости?

– Был такой случай...

– Врешь! Врешь все, рак клешнятый!.. – загремел вдруг Веселов, надвигаясь на Гришку.

Бородин попятился. Не успев завернуть сатин, он уронил его на пол и угрожающе выставил вперед свои огромные руки:

– Н-но, ты... Попробуй тронь!.. Зажму в кулак – только хрустнешь...

Андрей и без того знал, что если Григорий удачно схватит его, то уж намертво. Знал также он, что трусости у Григория не меньше, чем силы в руках.

– Ах ты! – воскликнул Андрей и неожиданно кинулся на Григория. Григорий отскочил и очутился на крыльце. Пятясь задом, он оступился и упал, но тотчас поднялся с земли. Веселов бросил ему сверток из сеней прямо в лицо:

– Забирай!.. И увижу еще раз тебя здесь – пеняй на себя...
Григорий повернулся и торопливо пошел прочь.

* * *

А ночью, когда над озером, над деревней, над лесом разлилась черная глухая темнота, возле маленькой саманной избушки, на куче хвороста, приготовленного для растопки, сидели Дуняшка и Андрей Веселов. Дуняшка, в стареньком платке, тихо всхлипывала, прижимаясь лицом к широкой, теплой груди любимого. Одной рукой Андрей обнимал девушку, другой поглаживал ее вздрагивающее плечо.

– Ты не плачь, – тихо утешал он, всматриваясь в темноту над озером. – Не всех же убивают на войне. Вернусь...

– Боюсь я – не дожждаться мне тебя... – промолвила Дуняшка.

– Ну, ничего, дождешься, если... будешь ждать.

– Господи, о чем ты? – с горечью, с тяжелым упреком воскликнула Дуняшка.

– Гришка Бородин ведь не отстанет, я знаю...

– Да на черта мне он, такой... – Больше Дуняшка не нашла слов.

– Ну, ну... верю. Да и ему гулять недолго. Он ведь чуть помоложе меня.

Потом они долго молчали. Дуняшка всхлипывала все реже.

Андрей прижался губами к ее голове, вдыхал теплый запах волос. Сегодня они пахли почему-то сухим душистым сеном.

Андрей долго думал, чем же это она вымыла голову, пока не рассмеялся.

– Ты что?

– Да так. Лопатины сенокос начали. Ты не у них работаешь?

– Два дня уже.

– Вот-вот.

– Чудной ты.

Тяжело пропели спросонья вторые петухи, а Дуняшка и Андрей все сидели обнявшись, все молчали. Наконец Андрей проговорил:

– По земле хоть поезжу, посмотрю, где какая жизнь. Федька Семенов рассказывал...

– Да нету, Андрюшенька, нету такой жизни на земле! – воскликнула Дуняшка, уже не раз слышавшая от Андрея о чудесной неведомой стране. – Ты только приезжай живой-здоровый. Уж как-нибудь в моей или твоей избушке проживем. Руки-ноги, слава богу, есть у обоих... были бы у обоих, – поправилась она на ходу, вспомнив, куда уезжает Андрей.

– В избушке... Да я знаешь какой домище отгрохал бы тебе, кабы лес был...

Дуняшка ничего не сказала на это, только крепче прижалась к нему.

Начала заниматься заря, синевато просачиваясь сквозь уголок черного неба.

– Ну, прощай пока, – проговорил Андрей, поднимаясь. – Надо хоть часок соснуть перед дорогой.

– Буду ждать тебя, – просто сказала Дуняшка.

– Если чего случится со мной – тогда, конечно... Только чтоб не за Гришку Бородина...

– Ни за кого, кроме тебя, – прошептала она...

Андрей ушел, а Дуняшка не шевелясь сидела на куче хвороста почти до рассвета.

* * *

Так никто и не узнал в Локтях, куда девался бородатый цыган. Через месяц в деревню появился новый коновал – юркий старичонка с деревянной ногой.

Старосте Гордею Зеркалову надо было выхолостить кабана и молодого жеребчика. Заслышав крики коновала, он вышел на улицу, оглядел одноногого.

– А где этот... ну, тот... с серьгой в ухе? – спросил староста, обдавая нового коновала пьяным перегаром. – Не слыхивал?

Одноногий старичонка, уловив дразнящий запах самогонки, торопливо закрутился вокруг телеги, постукивая по земле деревяшкой.

– Это про кого изволите? Прежний коновал, что ли? А бог его знает! Цыган, известное дело – бродяга. Можя, и в Россию подался из Сибири-то. Ищи ветра в поле. Куда идти-то?..

– Сюда, – указал Гордей на дверь конюшни.

Через полчаса коновал кончил работу, сложил инструменты в кожаную, как и у цыгана, сумку, бросил ее в телегу. Получив деньги за работу, потоптался возле старосты, потом вздохнул:

– Эхма! Как говорится: не пить, не гулять – куды деньги девать! Верно гуторю? А теперича, если увидишь бутылку в лавке, то с постным маслом, а либо со снадобьем от поноса...

– Ишь ты, – ухмыльнулся Зеркалов. – Запрокинуть, что ль, охота?

– Оно не то чтоб охота, а... для безвредности. Вишь, с чем валандаться нашему брату приходится...

– Ну, спроси там у кого-нибудь... – махнул рукой вдоль улицы Гордей, хотел пояснить: «У Бородина, мол...», но вовремя опомнился: «Ведь он, староста, должен зорко следить, не варит ли кто самогон в деревне», – и строго взглянул на коновала: – Ну, ну, у нас днем с огнем не найдешь самогонки... Я строго насчет этого...

Увидев подходившего к ним зажиточного мужика Демьяна Сухова, староста поспешно ушел в дом.

– Заворачивай-ка, мил человек, ко мне на двор, – сказал коновалу Сухов. И, щелкнув себя пальцем по горлу, прибавил: – А насчет этого – врет староста. Можно найти... Я укажу тебе адресок.

Когда коновал кончил работу и у Сухова, тот сказал ему, опять щелкнув пальцем по шее.

– К Петру Бородину ступай. Во-он домишко, на том конце улицы, возле избы Бутылкиных...

– Это который Бутылкин? Не тот ли, у которого я утресь коней лечил? Сынишка еще у него, Ванюшкой звать?..

– Он, он... Один у нас в селе Бутылкин.

– Тогда знаю, знаю, – закивал головой коновал. – Пацан вертелся все у моих ног, денег выклянчивал. Ох и въедливый!.. Ну, прощай пока, добрый человек.

– Прощай, прощай... – ответил Сухов, закрывая ворота за коновалом.

Через несколько минут одноногий старичонка остановил лошадь возле Бородиных, зашел в избу и спросил, нет ли чего для сугрева.

Петр, притащив бутылку, осторожно поинтересовался о прежнем коновале. Старик ответил ему примерно то же, что и Зеркалову.

– Вот ведь жизнь-то... – сказал зачем-то Бородин и прибавил: – Я к тому, что заезжал, бывало, ко мне цыганишка-то...

– Ну и ляд с ним, – отозвался пьяный уже коновал. – А теперича я вот заезжать буду...

На этом и забыли в Локтях про старого цыгана. Был, да сплыл...

Глава вторая

1

Петр Бородин месяца полтора никому не показывал, что водятся у него деньжонки, медлил из осторожности. А в начале зимы, когда на твердую, как кость, землю посыпались первые снежинки, неожиданно пришел к Лопатину, который когда-то отказался продать ему водки, и сказал:

– Вот что, Лексей Ильич... Продай-ка несколько десятинок земли.

Конечно, землю купить можно было бы и весной – ведь ни пахать, ни сеять зимой не будешь, – но это ждать еще несколько длинных-длинных месяцев. А у него млело сердце при мысли, что он, Бородин, – хозяин облюбованного участка земли, принадлежащего пока лавочнику. Где тут утерпеть до весны!..

Лопатин посмотрел на Петра круглыми глазами, выставив вперед широкий лоснящийся подбородок.

– Продать тебе? Земли?! – переспросил лавочник. – Да ведь пустошь есть. Подавай властям заявление – и запахивай.

– Черта ли там вырастет, на гальке? Хорошие земли вы с Гордеем позавывали. Ты мне за речкой продай.

– Та земля не по твоему карману, – сказал Лопатин и отвернулся. – Там ведь, с краешку, строевого леску немного... Не купишь...

– А это не твоя уж забота... – вдруг с вызовом бросил Бородин и только потом, когда брови хозяина настороженно взметнулись вверх, понял: «Не надо бы так-то... А то заломит цену...»

– Вот как! – воскликнул лавочник. – Ну что же, садись тогда к столу, потолкуем...

На другой же день весть о неожиданной сделке разнеслась по селу. Посыпались вопросы:

– Где денег взял?

– Лохмотья, что ли, продал?

Маленький, вконец забитый нуждой мужичонка Авдей Калугин выкрикивал:

– Ишь, жук навозный. В дерьме рыл носом, да питался, видать, не одним просом...

– Самогонщик! – поддержала его солдатка Марья Безрукова. – Другого засадили давно бы, а у него вдруг дружба с Зеркаловым объявилась.

Зажиточные мужики Игнат Исаев, Кузьма Разинкин, Демьян Сухов и другие с завистью толковали меж собой.

– Вот тебе и Петрушка Бородин!.. Шагнул!

– Нечистое дело тут, однако...

– А хоть бы какое!.. Деньги, они не пахнут...

Бородин не обращал внимания на пересуды, отвечал всем с усмешечкой:

– Жизнь-то такая, якорь ее, если, конечно, так сказать...

Алексей Лопатин, поняв теперь, что все-таки продешевил, сказал Бородину:

– Ты не прикидывайся дурачком, плати еще по красенькой за десятину, а то...

Бородин не растерялся, буравя лавочника маленькими глазками, спросил:

– А то – что?

– Гм... Смел ты стал! Не по себе дуги гнешь. Полюбопытствовать можно, чем ты вдруг разжился, чем баба твоя в бане занимается...

– Поинтересуйся лучше, чем твоя баба занимается, когда тебя дома нет... Понял? – отрезал Петр Бородин.

Лопатин, и без того красный, как самовар, побагровел, но не мог вымолвить ни слова. Смелость Бородина испугала лавочника: не сказал бы так старый хрыч, коль не чувствовал за собой силы.

И в самом деле, завернул через несколько дней в лавку Гордей Зеркалов, во внутренней комнатухе выпил полбутылки смирновской водки и проговорил, как бы между прочим делом, разглядывая золотое колечко на пальце левой руки:

– А к Бородину ты, Алексей Ильич... это самое... зря. Чего он тебе?

– Землишку-то, по всему видать, продешевил я.

– Э, тебе ли жалеть? На одном деле прогадал, на двух выгадал... – И щелкнул ногтем по бутылке. – Тоже ведь... поторговываешь все-таки. – Зеркалов встал. – Ну, прощай пока. Спасибо за угощение. А насчет Бородина... Земля большая, всем места хватит...

Конечно, не зря Гордей Зеркалов взял под свою защиту Петра Бородина. Всему на свете есть причина. Была причина и этому.

Давненько уже локтинский староста похаживал к Бородиным, попивал самогонку. А недавно Гордей Зеркалов засиделся у Бородина до полночи. Наконец, раскачиваясь, пошел к выходу, долго шарил по двери, ища скобу. И при тусклом свете пятилинейной лампы увидел, как желтовато поблескивает у него на пальце золотое кольцо. Зеркалов опустился на скамейку, стоявшую возле двери, долго рассматривал кольцо, соображая, кто и когда надел его ему на палец.

– Это... что? – спросил он, поднимая кверху палец.

– В знак благодарствия... и уважения, Гордей Кузьмич, – заюлил Петр Бородин, подбегая к Зеркалову. – Тоже ведь, люди мы, так сказать. Торгуем вот... зельем-то. А от вас плохого не видывали, не слыхивали... Это еще материно, заместо обручального было... Единственное богатство в доме... Голодал с семьей, а его хранил... как лериквию. Для хорошего человека – не жалко... Уж возьми, Гордей Кузьмич, не обидь смертно...

Староста еще посидел, засмеялся, встал, погрозил пальцем и ушел...

Едва захлопнулась дверь, Петр Бородин твердо прошелся по комнате, будто и не пил наравне с Зеркаловым. Подошел к печке, где лежал Гришка, проговорил:

– Видал? Из-за тебя отдал. Да кабы все! Это затравка только.

– Зачем из-за меня?

– Зачем!.. Узнаешь скоро зачем...

И Гришка узнал.

Гордей Зеркалов через день опять пришел к Бородиным. Едва староста показался в дверях, Петр угодливо засеменил навстречу, расплылся в улыбке:

– Милости просим, дорогой гостенек...

Но Зеркалов вдруг сурово сдвинул лохматые брови:

– Но, но... Ты, Бородин, без этого... Я те не гостенек, а служебное лицо. Не забывай...

У старика похолодела спина, зашлось сердце... «Значит, обиделся за подарок... Или спрос наведет сейчас, откуда, мол, золотишко... Господи, пронеси...» Он рассмеялся неповиновенными губами, забормотал:

– Так ведь, Гордей Кузьмич... Как сказано: люби ближнего, уважай старшего... Мы – что же? Свое место знаем... От всей души ведь я за доброту твою... разьединственное...

Но Зеркалов грузно уселся на стул, не обращая внимания на болтовню старика, снял шапку, пригладил расчесанные на обе стороны волосы, расстегнул на груди полушубок и проговорил:

– Ты, Бородин, перестал бы молитву читать... Я их от отца Афанасия слышу каждый день... Дал бы лучше чего выпить...

Петр даже захлебнулся от неожиданности. Потом крикнул:

– Арина! Неси-ка нам чего... Гришка! Груздочков солененьких достань... Да получше там, с-под низу выбери... – И к Зеркалову: – Сейчас, сейчас, Гордей Кузьмич...

Когда Гришка открыл дверь, возвращаясь с солеными груздями, Зеркалов уже ставил на стол пустой стакан. Не разжимая рта, поманил пальцем Григория от порога: скорей, мол...

– Да шевелись, дьявол! – прикрикнул на сына Петр. – За смертью тебя посылать только!..

Зеркалов взял из принесенной Григорием чашки гриб и сунул себе в рот. Жевал, ни на кого не глядя, сильно двигая огромными челюстями. Прожевав, вытер мокрые губы, крикнул и проговорил:

– А сын у тебя – ничего... Пожалуй, последние дни гуляет... вот что... Предписание уже есть...

Случайно или не случайно староста заговорил об этом – Петр Бородин не знал. Но он решил, что более удобного случая не будет, и решился.

– Ты пей, Гордей Кузьмич, пей... А это верно, отгулялся Гришуха. Эвон, кто постарше его на год – Веселов, Артюхин, Ракитин – давно служат. Убили, поди, кого уж... не слышно?

– Нет пока... бумаги нету, – зевнул староста.

– Единственный он у меня, вот что, Гордей Кузьмич. Кормилец ведь. Может, льгота ему выйдет, а?

– Какая льгота тебе, – грозно сказал Зеркалов. – Война ведь... Не до льгот...

– Куда я без него, если... Подохну с голоду...

– Ты-то?! – усмехнулся Зеркалов.

Петр Бородин подвинулся поближе:

– Я давно хотел поговорить с тобой, Гордей Кузьмич... Все бумаги через тебя проходят... Опять же, волостной старшина – твой родной брат...

– Ну? – насторожился Зеркалов. – Брат, допустим...

– Вот и... Гордей Кузьмич, благодетель!.. Э-э... чего там...

Петр торопливо, отрывая пуговицы, расстегнул рубаху на груди, сорвал с шеи что-то и протянул Зеркалову.

– Вот... – воскликнул Бородин и тяжело задышал.

На его вздрагивающей ладони, поблескивая, лежал массивный золотой медальон. Зеркалов тупо смотрел большими глазами на горевший кусок металла в руке Бородина.

– Может, тыщу стоит. Я не знаю, – еле выговорил Бородин.

– Э-эм-м... – промычал Зеркалов. – Ну-ка...

Но едва староста сделал движение, ладонь Бородина тотчас захлопнулась, и рука исчезла со стола так быстро, словно ее и не было там.

– Ты пей, Гордей Кузьмич.

Зеркалов послушно выпил. Закусить забыл, только вытер рот рукавом дубленого полушубка...

– Именно... Золото ведь... А тебе чего? Ты сбавь там, в бумагах, Гришкины годы... Гордей Кузьмич! И через посредство брата как-нибудь...

Зеркалов откинулся на стуле, обвел сузившимися глазами комнату, долго осматривал зачем-то сидевшего у дверей Григория с головы до ног. Повернулся и сказал хрипло:

– Лей...

Но стакан был полон.

– Али еще что придумай... Покажи в бумагах – помер, мол... А то ногу, мол, сломал. Локти – глушь, медвежий угол... Кто проверять вздумает? Век Бога за тебя молить буду, – быстро шептал Бородин.

– Годы-то в церковных книгах записаны, – проговорил Зеркалов.

– Да они ж вместе с храмом Божьим сгорели. А коли сохранилось что невзначай, я с батюшкой Афанасием как-нибудь... Не твоя забота...

С Бородина градом катился пот. Сидели они оба красные, разопревшие, будто только из бани.

– А говорил на днях – единственное богатство в доме, – хрипло начал было Зеркалов, поднимая руку с золотым кольцом на пальце, но тут же понял, что не к месту об этом, уронил кулак на колени и попытался улыбнуться. – А ты – гусь, Бородин. Люди и не подумают, что у тебя... это самое... водится...

– Зачем им думать-то, Гордей Кузьмич! Знаем ты да я... Нам ведь жить... И надо как-то половчей.... Так как же, Гордей Кузьмич?.. – шептал Бородин, перегнувшись к старосте через весь стол, залитый вонючим самогоном, купал в нем широкие смятые рукава ситцевой рубахи и редкую бороденку.

Зеркалов молчал, сидел, покачиваясь, на стуле. А старик ерзал на своей табуретке, вздрагивал.

– Ты, Бородин, понимаешь, что я... это самое... как служебное лицо, могу тебя... – начал наконец Зеркалов, приподнимая голову.

Но старик не дал ему договорить, трясущимися руками стал совать в широкую ладонь Зеркалова плоский тяжелый медальон.

– Господь с тобой, Гордей Кузьмич! Возьми и... с богом... Я – что? Понятия, конечно, не имею большого... А только хотел... И тебе ведь жить надо...

И сразу замолчал Бородин, когда почувствовал, что пальцы Зеркалова дрогнули и крепко зажали его подарок...

После ухода Зеркалова Петр молча бросил на лавку тулуп, подушку и лег, отвернувшись лицом к стене.

Арина гремела посудой, убирая со стола. Вздохнув, она проговорила:

– Господи... Пропадем мы... Выдаст он тебя, староста-то...

Петр Бородин тотчас перевернулся на лавке, сбросил ноги на пол.

– Чего каркаешь? Ну!

– Не ори, душегуб... Вот спросят у тебя – где взял...

– Спросили бы уже, кабы... Зеркалов не дурак, чтоб... спрашивать. Какая ему корысть?

Гришка свесил голову с печки, посмотрел на отца, потом на мать и снова лег.

– И нам корысти-то с фигу. Вон сколько ему опять отвалил... – проговорил он, натягивая на себя старый зипун.

– Ты – указывай мне! – прикрикнул отец. – Забрался на печь, да голову еще под зипун. А ну, как туда, где Андрюшка Веселов... А теперь, может, так и пролежишь...

– Обманет он тебя, вот что, – буркнул Гришка.

– Не должно... Совесть он имеет али нет? Я ему еще серьги в карман сунул незаметно. Дома найдет, подумает кой-что... Сказано ведь: данное людям тебе же отдастся... Спи давай...

Надеялся Петр Бородин, обдумывая свои планы на жизнь, что жадный до денег Гордей Зеркалов не только поможет избавиться Григорию от призыва в армию. Будет староста ему самому какой-то защитой от людской молвы, любопытства и зависти, которая неминуемо поползет по Локтям, едва он начнет разворачиваться... И не ошибся.

Дома Зеркалов долго разглядывал золотой медальон и серьги, которые обнаружил в кармане. Ему казалось, что он видел эти серьги раньше, но где – припомнить не мог.

Ночью, ворочаясь в постели, староста вдруг приподнялся на кровати: «Стой!.. А не цыганские ли... Вот тебе и Бородин!..»

Зеркалов соскочил с кровати, достал спрятанные уже в сундук серьги и, низко согнувшись, стал рассматривать их, перекатывая, как горячие угли, с ладони на ладонь. «Нет, вроде не те... – перевел дух староста. – В ухе коновала всегда болталась какая-то большая круглая серьга, наверное, фальшивого золота, а эти маленькие, тяжелые, с камнями... А все-таки... Не

потому ли исчез цыганишка-то?.. Если поднять шум да рассказать брату, в два счета можно вывести Бородину на чистую воду, узнать все точно...»

Но через минуту думал уже другое: «А хоть бы и цыганские – какая мне выгода, если подниму шум?.. А так, может, еще что перепадет от Бородина. Ну, погоди, зажму я тебя, старый хрыч... А насчет Гришки... Может, и вправду поговорить?...»

И староста спокойно уснул.

2

Зима тянулась и тянулась, и Гришке казалось, что это одна из самых долгих зим, которые когда-либо бывали. Почти каждый день дули ветры. Перед избой Бородиных, ютившейся у самого леса, снег выдувало и уносило. Съежившись от холода, избенка стояла на виду у всех, будто раздетая. И это вызывало у Гришки смутное беспокойство.

– Ничего, сынок... К той зиме новый домишко поставим где-нибудь в затишке... – сказал отец, будто угадав мысли сына. – А то здесь... уюту нет, как в трубе воет и на виду все. Каждый глаза в окна пялит...

Григорий ничего не ответил. С тех пор как отец чуть не зарубил его найденным в лесу окровавленным топором, он больше молчал. Нахмутив узкий лоб, постоянно думал о чем-то. Случалось, подолгу наблюдал за отцом, но, едва тот оборачивался, отводил глаза в сторону. И никогда не заводил речи о том, что случилось. Только однажды проговорил:

– Дай-ка, батя, красненькую...

– Но! – удивился Петр. Давно уже сын не просил у него денег. – Ишь ты! А зачем?

– Тебе что? Может, пропью...

– Ах ты молокосос!

Гришка сузил глаза, проговорил спокойно, не разжимая зубов:

– Ну ты, не лайся... теперь-то... Давай, сказал... Твои они, что ль?..

Старик застыл с открытым ртом. Потом покорно полез в карман:

– На... Вижу, зря я Зеркалову... за тебя...

– Ты, батя... дурак, вот кто, – усмехнулся Гришка.

Петр Бородин вздохнул, покачал головой и хрипловато произнес:

– Спасибо, сынок... А только не советую тебе так со мной... – И неожиданно сверкнул желтоватыми глазами. – Понял, сукин сын?! Не советую... А то...

Гришка невольно отскочил: «Он такой... Ему что – отравит. И – поминай как звали...»

– Что ты, батя! – сдавленно проговорил он и протянул обратно деньги. – Возьми назад, я ведь так... спытать хотел... Возьми...

Отец принял деньги, зашептал в самое ухо, щекоча Гришку бородой:

– Так, сынок... Это – так... Надо всегда по-хорошему... Ты да я – и больше никого нет на земле... А мне для тебя ничего не жалко...

Но с этого дня Гришка больше никогда не просил денег у отца.

Не просила теперь мужа и Арина свозить ее в больницу, даже не жаловалась на болезнь, хотя чахотка все больше и больше съедала ее. Она мыла, стирала, готовила, часто и подолгу кашляла, отворачиваясь от мужа и сына. Едва удавалась свободная минута, Арина принималась молиться. Когда молилась, быстро шептала бескровными губами, часто крестилась.

Зато среди ночи Григорий несколько раз слышал, как мать что-то кричала во сне о цыгане, об отце, о нем – Гришке.

Петр Бородин тоже слышал, потому что каждый раз вставал и тряс жену за плечо:

– Что мелешь, что мелешь ты!.. Очнись, якорь тя... Ведь этак, чего доброго... если бы слышал кто...

Однажды разбуженная Арина крикнула прямо в лицо мужу:

– Не вытерплю я, пойду к людям и... облегчу душу – расскажу все...

Петр закрыл ей рот ладонью, растерянно посмотрел на Гришку. Тот притворился, что спит. В тишине потрескивала керосиновая лампа, которую не тушили теперь всю ночь...

Так и прошла зима.

Весной Петр Бородин вгрызся в землю, как изголодавшийся пес в краденую кость.

Отдельные участки купленной земли действительно были немного залесенными. Кончив пахоту и сев, Бородины втроем принялись корчевать деревья. Дневали и ночевали в поле. Сосны подкапывали, валили их, возили в деревню и складывали штабелем. Те, которые поменьше, таскали на себе, чтоб не платить лишние деньги за перевоз.

– Свой лесок, слава те господи, – говорил Петр. – Немножко еще прикупим – и, бог даст, новый домишко поставим.

– Тяжко их таскать мне, внутри саднит, – сказала как-то жена. – Нанял бы уж, чтоб заодно все на лошадях вывезли.

– Нанять и дурак может... Тому деньги не жалко.

– Чего их жалеть... такие-то?

Петр вроде не рассердился, не закричал, сказал тихо, успокаивающе:

– Бог зачтет на том свете, матушка. А деньга хозяина не любит и без того норовит в чужие руки. Ты потерпи уж, подходит наше время... Бери-ка тот конец, потоньше.

И, видя, что жена не решается подойти к бревну, ощерил черные изъеденные зубы:

– Бери, сказал!.. Ну?!.

На пути Арина оступилась и упала. Бревно тяжело ударило ее по спине. Когда Петр подошел, перевернул жену кверху лицом, она не издала ни звука, только широко открывала рот, хватая воздух, да смотрела на мужа страшными глазами. Правая рука ее была сломана и висела как плеть.

Арина медленно закрыла глаза и потеряла сознание.

Очнулась она уже ночью, застонала, попросила пить и обратилась к сыну, а не к мужу:

– Гришенька, сынок... в больницу бы, а? А то помру...

– Батя... а? – тихо и неуверенно проговорил Григорий.

– Ее в больницу, а нас с тобой в тюрьму! Слыхал, чего она в горячке мелет?..

Утром Петр Бородин, собираясь в поле, окликнул Гришку:

– Ну а ты чего расселся? Праздник, что ль? Бери вон топор, веревки.

– Так ведь... мать...

– Ну что мать? Сидеть теперь около нее? Положь рядышком на табуретку хлеба, картошки... водицы поставь. К обеду вернемся, коли уж так. Время не ждет... – И зашептал: – Не жилища она, сынок. Ей больница без надобности теперь... Не жилища... Пошли, пошли.

В обед отец спокойно уселся под деревом, кинув на сырую землю мелких сосновых веток, развязал на коленях узелок с едой.

Гришка растерянно топтался рядом, бросая взгляды на деревню. Но постепенно спокойствие отца, неторопливо, аккуратно раскладывавшего на старенькой застиранной тряпке хлеб, сморщенные соленые огурцы, желтоватое застаревшее свиное сало, – это страшное спокойствие передалось и ему. «Однако он правильно рассудил, батя-то...» – подумал Гришка.

Когда они вечером вернулись домой, Арина была мертва.

3

Где-то шла война, а здесь, в Локтях, текла жизнь по-прежнему сонная, тихая. Повоеет разве только баба, получившая похоронную, пошумит иногда Алакуль, посвистит тоскливо в трубе ветер. Но на все это не обращали внимания.

Староста Гордей Зеркалов и лавочник Алексей Лопатин получали газеты, в которых расписывались победы русских войск на фронте, высокий боевой дух солдат, сражавшихся «за веру, царя и отечество». Эти газеты Зеркалов и Лопатин охотно давали читать желающим. Но таких находилось мало – редко кто умел читать.

Однако со временем, неведомо какими путями, все больше и больше доходило до Локтей известий с фронта. То полз из дома в дом, леденя души женщин-солдаток, слух, что немцы в пух и прах разбили русскую армию, заняли чуть ли не пол-России, всех пленных солдат угоняют в Германию на работу в рудники. То говорили, что война чуть ли не кончилась, потому что русские и немецкие солдаты не захотели воевать, побросали винтовки и вечерами ходят друг к другу пить чай и самовольно уезжают с фронта домой.

– Господи, да хоть бы!.. – вздыхали локтинские бабы и крестили плоские груди. – Наши-то мужики чего глядят? Взяли бы да приехали домой...

– Но, но, приехали! – раздавался предостерегающий голос какого-нибудь зажиточного мужика. – Это дезертирством называется. А таких-то сейчас ловят по деревням...

Это, очевидно, было правдой, потому что однажды глубокой ночью к Марье Безруковой ввалились староста Зеркалов, его брат, волостной старшина, такой же кряжистый и угловатый, как и Гордей, мужик, двое военных. Насмерть перепуганная Марья Безрукова стояла перед ними полураздетая и ничего не могла сказать.

– Накинь хоть на плечи, бесстыжая, – сказал ей Гордей, сдернув с гвоздя полушубок.

Брат Гордея и военные внимательно осмотрели избенку, заглянули под кровать, слазили даже в подпол.

– Да что это, господа?! – выдавила наконец из себя Марья.

– Муж-то пишет? – вместо ответа спросил брат Гордея Зеркалова, оглядывая Безрукову цепкими глазами.

– Пишет... редко только...

– У нас в деревне, господа, дезертирующих нет... – сказал староста Гордей, обращаясь к военным. – Если появятся, я и сам... А неожиданная проверка... да, нужна... Слежу строго, с усердием... А все ж таки можно и не углядеть... Потому благодарствую за помощь...

Гордей говорил, заметно волнуясь, противно изгибаясь перед людьми с погонами, беспрерывно оглядываясь на брата, как бы ища поддержки.

Один из военных, тощий и желтый, как высохшая селедка, все время морщился от слов Гордея, дергал рыхлой щекой, потом сказал раздраженно:

– Да не мешайте же, прошу вас... Благодаря вашему «усердию» ссыльный Семенов бежал...

– Виноват, недосмотрел... Но ведь тих, покорен был, исполнительен... Кто бы мог подумать!.. О побеге я в тот же день доложил. И о дезертирах, если такие появятся... будьте покойны...

Военный прижал ладонь к щеке, словно у него заболели зубы, и отошел от Гордея.

Утром деревня гудела. Оказывается, не у одной Марьи Безруковой побывали ночные гости.

Понемногу волнение, вызванное ночным обыском, улеглось. И снова над Локтями установилась тишина.

* * *

Похоронив жену, Петр Бородин ходил по земле прямо и молодо, будто сбросил с плеч гнувший к земле груз.

– Так-то, сынок... Теперь возьмем свое... – сказал он Гришке, возвращаясь с кладбища. И начал брать...

На несколько дней старик уехал из Локтей. Вернулся в новых запыленных сапогах из толстой юфти, в добротной суконной паре. Пиджак висел на нем, как на колу, и тоже пропылился насквозь. В новую, купленную где-то бричку-пароконку были запряжены два свирепых, точно звери, жеребца. Третья лошадь шла позади, мотая головой, пытаясь оборвать ременный повод.

Когда ехал по деревне, провожали Бородина завистливые, изумленные взгляды, тихо переговаривались меж собой бабы и старики:

– Смотри-ка! Землю купил, а теперь вот... Неужели с самогона разжился?

– Теперь гадай с чего...

– Гордей Зеркалов, поди, знает! – ввернула Марья Безрукова и, не стесняясь, по-мужицки выругалась.

– Чего лаешься? – заметил ей Демьян Сухов, поплеывая подсолнечной шелухой под ноги женщин. – Может, еще поклониться придется Бородину, как подопрет нужда.

– Вот, вот... Уж и защитники у него объявились!.. Все вы сволочи, – сказала женщина и снова выругалась. – Пес пса не тронет, только обнюхает да порычит... А поклониться – кому я не кланялась? Нужда заставит и ноги ему целовать. Жрать-то надо...

Однако никто, кроме Алексея Лопатина, не осмелился подойти к Петру, выпрягавшему лошадей возле своей избушки.

– Где таких купил? – спросил Лопатин, кивая на лошадей.

– Где купил, там уж нету их...

– Н-да... Ничего коняшки... Кровь играет... Только где держать будешь? Твоя изба и под конюшню не годится...

– Ничего, твоя подойдет. Куплю... для коней. А для себя дом построю.

– Ну, ты! – воскликнул Лопатин. – А говорил – на землю еле наскреб, до смерти долги платить будешь. Хитер!..

– Какая хитрость? Покойница Арина – она хитрее была... и умнее... Кубышку завела и утаить сумела до самой смерти...

– Ври поскладнее, – попросил Лопатин.

– Я тебе не поп Афанасий... Не веришь, так нечего со словами лезть, – отрезал Бородин, но тут же смягчился, спросил: – Что ты все на меня, Лексей Ильич? Теперь времена какие!.. Человек за человека держаться должен, а ты... Зайди лучше, обтолкуем кой-что...

– О чем это мне толковать с тобой? Земли продажной нет у меня больше.

– Ну... все-таки... Может, и найдем о чем...

Лопатин просидел у Бородина допоздна. Когда уходил домой, Гришка, все еще крутившийся возле лошадей, услышал его разговор с отцом.

– Ты, Петр, мужик с таланом, верно... Но уж шибко злющий... – говорил Лопатин тихо, поучающе. – Ну, собаку по злости ценят, а человек должен быть всегда с приветливостью... Так-то лучше, способней... А то наживешь недругов... А зачем они тебе? К человеку если с приветом, так он вспомнит обиду, вздохнет, да не выскажет людям...

– Благодарю, Лексей Ильич, на добром слове... Истинно: к людям с улыбкой, и они с добром. Как вот мы с тобой... – заискивающе бормотал отец. Гришка даже поморщился, подумал: «Сапоги еще оближи ему, как Зеркалову...»

– Земли тебе я еще уступлю, коли потребуется, – продолжал Лопатин. – И лесу на домишко продам. А вот насчет лавки – зря твои планы. Я добрый совет говорю... Ты пойми: зачем две лавки в Локтях, когда у меня одного покупателей нет? Ну, откроешь лавку, потратишься... А выгоды ни тебе, ни мне... Убыток – и все. Понял? Да и чем сейчас торговать? Товару нет.

– Как не понять... Верно, пожалуй, – согласился отец.

Оставшись вдвоем с Григорием, отец кивнул в сторону, куда ушел Лопатин:

– Видал, сынок? Лавку-де не открывай... Хитер бобер! Ан ничего! Как-нибудь прижмем тебя... Дай только срок.

– Планы у тебя, батя...

– Подходящие, сынок, планы. Развернемся...

* * *

...Быстро, как бурьяк после дождя, начал подниматься, набирать силу Петр Бородин. Чувствуя, что Зеркалов да и Лопатин стали вроде бы как своими людьми, он уже не боялся людского любопытства, повел себя так, будто сроду водились у него деньжата. К осени на берегу озера отстроил просторный двухэтажный сосновый дом на каменном фундаменте. Вверху стал жить сам с сыном, а внизу подумывал все-таки открыть со временем лавку.

Рядом с домом старики плотники, нанятые Бородиным, достраивали завозню. А еще немного погодя эти же старики вместе с молодыми солдатками стали возить сюда тяжелые мешки с пшеницей первого урожая на купленной у Лопатина земле. Петр Бородин в эти страдные дни, кажется, не ел и не спал, бешено мотался от тока, где лошадьми молотили пшеницу, до завозни. Зорко следил, чтобы ни одна горсть зерна не просыпалась, не попала в карман работников.

– Видел, сынок?.. Собственный хлебушек-то! И себе и продать хватит, – говорил старик Григорию, погружая обе руки до локтей в зерно, засыпанное в сусеки. И голос его дрожал от жадности, от радости...

«Оборотистым оказался Петр Бородин, сумел вывернуться из нужды, взял верх над жизнью», – так говорили теперь про него в Локтях.

А Петр, помня, очевидно, совет Лопатина, сделался вдруг ласков да угодлив с любым. Приходили просить денег взаймы – он тотчас доставал кошелек. И, отказываясь от благодарности, говорил:

– Что ты, что ты!.. Свой люди, как же... Отдашь, когда будут, а то поработай денька два-три у меня. Сено вон надо мне вывезти...

А некоторым отвечал так:

– Отдавать не вздумай, обижусь... Вон свиньюшка у тебя... Забьешь по морозцу, с полпудика сальца принесешь лучше... И в расчете. А копейку – где тебе взять копейку-то?

Давал Петр Бородин взаймы и хлеба, если просили.

Чаще всего за помощью обращались солдатки. Однажды пришла к Бородиным Анна Туманова, невысокая крутоплечая женщина со спокойными бесцветными глазами. Остановилась в дверях, переступая с ноги на ногу.

– Собаки у вас... чуть не порвали, – несмело начала она, пряча красные от мороза руки в карманы пальтишка.

– Чего тебе? – хмуро спросил Григорий.

– К батюшке твоему. Может, думала, даст мучки... немного.

– Как не дать, как не дать, коль нуждается человек, – проговорил старик, выходя из соседней комнаты. – Ты проходи, Анна...

– Наслежу...

– То верно, полы-то у нас мыть некому. Старушонку взяли вон одну – Дарью-бездомную – варит, кормит нас. А полы не может мыть...

– Я говорил тебе – выгони, другую возьмем, помоложе, – подал голос Гришка.

– Выгони... Человек – не собака. Жалко ее. Куда ей идти, если...

– Я могу прийти когда помыть полы и постирать. Мне что – не тяжело... – проговорила Анна. – Только не откажите мучки... С пудик хоть... Мать ведь у меня... его, мужа, мать... помирает.

Петр Бородин кивал головой, думая о чем-то.

– Как не дать, дадим, – опять повторил он. – Мужик пишет?

Анна кивнула головой.

– Пишет. Семенова Федьку, ссыльного этого, который от нас сбежал, встретил, говорит, недавно...

Григорий поднял голову, усмехнулся, не разжимая губ, и проговорил:

– Не будет бегать. Поймали – да в солдаты забрали. Ясное дело.

– А еще что пишет? – спросил Петр.

– Да всякое. Я уж не помню всего. Вроде Андрея Веселова ранило...

– Ранило? – быстро переспросил Гришка.

– Ага. В ногу, пишет... Увезли его куда-то, Веселова. А мой Павел ничего, живой пока...

– Это когда он тебе писал?

– Да вот сегодня письмо пришло.

Гришка больше ничего не спросил, отвернулся от Анны, засунул руки глубоко в карманы черных суконных штанов, стал смотреть вниз, во двор, где Авдей Калугин, Марья Безрукова и еще три солдатки, тоже попросившие когда-то взаймы денег, сметывали привезенное сено.

И Анна Туманова каждый день стала ходить к Бородиным. Сначала мыла только полы и стирала белье... Потом старый Бородин попросил ее подоить коров, почистить в хлеву... Каждый день чуть свет она бежала к дому Бородиных, работала дотемна за тот пуд ржаной муки, да объедки, да ласковые, утешающие, сочувствующие слова старого хозяина.

Когда установилась дорога по озеру, несколько стариков, нанятых Бородиным, нагрузили целый обоз пшеницей, собираясь везти ее в город.

– Сам я поеду с ними, а ты хозяйствуй тут... – сказал на прощание отец Григорию. – Тебе бы ехать-то... Надо ведь привыкнуть к делу, да боязно тебя пускать, продешевишь. Съезжу сам сперва, посмотрю, что и как.

После отъезда отца Гришка растерялся: шутка ли, такое хозяйство на руках осталось: одна лошадь (остальные ушли в город), коровы, овцы...

Как-то он забыл дать скотине на ночь корма, и утром во дворе стоял рев. Григорий сорвался с постели, воскликнул:

– Черт! Где же Анна? Дрыхнет до обеда...

И в ту же минуту Анна, завязывая на ходу платок, торопливо вбежала во двор Бородиных, схватилась за вилы, стала таскать в сарай сено. Рев голодной скотины сразу же умолк. Григорий сошел вниз и, хмурясь, проговорил:

– Дрыхла бы до обеда...

– Так ведь, Григорий Петрович... Старуха у меня больная... Пока провозишься с ней, накормишь чем-нито, напоишь... Господи, помирала бы уж скорей...

В первый раз Гришку назвали по имени-отчеству. И он не слушал уже, что дальше говорила Анна Туманова, а думал: «Григорий Петрович... ага, Григорий Петрович...» – и испытывал неведомое ему доселе радостное чувство.

Чтобы отблагодарить за него Анну, он сказал ей мягко:

– Ладно, ладно, Анна... Только утрами пораньше приходи. А сейчас, как уберешь скотину, зайди в дом. Я муки тебе маленько, сала дам...

И то, что он может сам дать теперь кому-то муки и сала, было приятно Гришке.

Через несколько дней в дом Бородиных зашел старик Алабугин с малолетним сыном Степаном. Опираясь одной рукой на костыль, другой долго крестился.

– Здорово ночевали вам. Батька-то не приехал?

– Нет еще, – проговорил Гришка, не отвечая на приветствие. – Чего вам?..

– Так вот... Хотел попросить батьку, не возьмет ли Степку моего в работники. Ну, раз нету хозяина дома – пойдем, Степашка!..

– А я кто? – крикнул Гришка, но тут же понял, что получилось это у него неумело. Чтоб скрыть свое замешательство, прибавил: – Только куда ему в работники! Жидковат пока, вилы, поди, не поднимет.

– А ты не смотри, что... не смотри, что... Ему семнадцать годов скоро... Мы, Алабугины, сызмальства к работе привычны. Ладно, зайдем, когда батька приедет...

Григорию захотелось доказать все-таки этому старичишке, что он тоже хозяин. Обойдя вокруг Степана, сказал:

– Ладно, беру.

– Чего? – не понял старик.

– Беру, говорю, в конюхи твоего сына.

– Ну и с богом, раз так, ну и с богом, – обрадованно закивал старик Алабугин. – А все ж таки... Насчет платы мы с отцом потолкуем, когда приедет... Все ж таки надежнее...

Гришка вспыхнул, хотел сам назначить плату. Но потом подумал: «А черт его знает, сколь платить... Да и как еще батя посмотрит на такого работника. Ладно, подожду его...»

– Ну что же, оставайся, Степашка, служи... – сказал старик Алабугин сыну, опять перекрестился и вышел.

Вернулся Петр Бородин через полмесяца, привез два новых плуга, веялку. Одна подвода была до половины нагружена мешками с галантерейным товаром, остальные пришли пустыми.

– Здравствуй, сынок! – бодро проговорил Петр, по-молодому спрыгивая с воза. – Встречай купцов. Как живешь?

– Живу. Конюха вот нанял.

– Конюха? Молодцом. И я, брат, не зря съездил... Ну, присмотри, чтоб сгружали аккуратно. А я побегу в тепло, продрог.

Вечером, сидя за пузатым, отфыркивающимся самоваром, Петр говорил Григорию:

– Нам, сынок, Лопатин не указ бы насчет лавки... Только правильно он, дьявол, насчет товару говорил – нету галантереи в городе. Из-под полы торгуют ей, сволочи, дерут втридорога. Я туды-сюды, хотел оптом закупить – где там! Вот и явился почти пустой. Придется, видно, с лавкой погодить... А пшеничку хорошо продал. На хлебушке, брат, сейчас озолотиться можно. И решил я: на следующий год еще землицы прикупим. Эвон, видел, плуги привез да веялку? Ну и... пока ладно, хватит, на большее нам не подняться пока... А там посмотрим... А?

– Угу, – буркнул Гришка, дуя на блюдце с чаем.

– Что «угу»? Не «угу», а покажем мы еще! Конюха вот ты взял – это правильно. Малолетний, правда, он, ну да ладно. Меньше платить будем. Урожайишко бы вот только на будущий год вышел, как нынче...

И отец заходил по комнате, размахивая руками.

– Тут ведь, в Локтях, можно как развернуться? Озеро – вот оно, под окном. Лопатин словно не видит его... Хотя что, Лопатин – дурак. А из озера можно деньги почти руками грести... Рыбешки в нем – не выловить... Полдюжины лодок, десятка два сетей да коптильню мало-мальскую... Город хоть и далеко, но доехать можно... А там рыбка копченая – я посмотрел – в цене... Играет, брат, рыбка-то... Одно вот только горе: стар я, помру ведь скоро. Пожить бы еще годков двадцать...

Долго еще Петр Бородин шагал из угла в угол, развивая планы на дальнейшее... А между тем истекал 1916 год.

4

Жизнь отца кончалась, а Гришкина только-только начиналась. Григорий понял это в тот вечер, когда отец ходил из угла в угол и говорил о лодках, о сетях, о рыбе. Григорий невольно прикрыл глаза, и представилась ему почему-то лесная лужайка, где сидят и обедают возле сва-

ленной сосны Андрей Веселов, Федот Артюхин и другие мужики. Вокруг стоят могучие деревья, а сквозь них просвечивает синеватый, бескрайний простор, стелется под высоким небом ровная, как озеро в тихую погоду, земля. И ему, Григорию, идти и идти по этой земле, идти как хозяину...

Григорий даже почувствовал: разливается у него по животу легкий приятный холодок, как у человека, застигнутого врасплох неожиданной великой радостью, и засмеялся тихо.

– Ты, Гришка, чего? – удивленно спросил отец, останавливаясь.

– Да так... В общем, правильно ты, батя, говоришь...

И Григорий будто сразу повзрослел.

На другой же день, рано утром, он обошел все хозяйство. Смотрел прищуренными глазами на дом, на завозню, на двух черных свирепых псов, бегавших по двору. В только что отстроенной конюшне, в которой сосновый запах перебивал еще запах конского пота, сказал Степке Алабугину:

– Ты, немытая рожа... Смотри у меня за конями получше...

Сказал потому, что хотелось сказать что-то властное, хозяйское.

За завтраком Григорий говорил отцу:

– Анна чего прохлаждается? Уж день, а ее нет... зря хлеб жрет...

Петр быстро вскинул глаза на сына, но ничего не сказал.

Вылезая из-за стола, Григорий, не глядя на отца, промолвил:

– Я сейчас в завозне был. Овса маленько осталось... Попридержатъ бы его, ведь пахать весной...

– Так, сынок, так... – с удовлетворением произнес отец.

– Что – так? – не понял Григорий.

– По-хозяйски, говорю, рассуждаешь... Вот ты и... распорядись. Привыкай, сынок. Твое ведь все...

– А бабку-стряпуху, как ее? Зря ее все-таки держим, – сказал Григорий. – Анна перешла бы к нам совсем... Молодая, чего ей... Управилась бы одна...

– Можно и так... Только платить Анне надо будет... Ты подумай-ка, сынок. – Помолчал и добавил: – А старуха – что? Много ли съест она? А все-таки... копошится, кормит вовремя нас. Не украдет ничего – куда ей, одна на земле! Пусть уж...

– Ну ладно, пусть, – нехотя произнес Григорий, чувствуя, что отец прав. – А что лавку не думаешь открывать – зря.

– Это как? – не понял отец.

– Война что – вечно будет? Кончится она – и товаров станет сколь тебе надо.

– Ну?

– Вот тебе и «ну»! Товары будут, а об лавке у нас – одни разговоры. Строить ее загодя надо, пока есть на что.

– Внизу дома тогда и откроем.

Григорий поморщился, как бы дивясь непонятливости отца:

– Сюда, на край деревни, кто придет? В середине надо где-нибудь строить. А пока хлеб в нее сыпать. Завозня-то мала.

– А ить верно, ешь тебя волк! Скумекал. А мне, старому дураку, подумать бы сразу... А теперь – новый расход на постройку лавки. Вот ведь, а? – стонал старик до самого вечера.

С этого дня Петр Бородин делал вид, что фактическим хозяином в доме является Гришка. Между ним и отцом установилось полное согласие. Петр Бородин даже заметил как-то, в минуту откровения:

– Вишь, Гришенька, как все у нас с тобой – по-ладному, по-родски... А ведь был ты как волчонок, – по шерсти, бывало, не гладь!.. И с язвецей...

– Ну, вспомнил... – поморщился Григорий.

– А что? Ведь зарубил бы тебя тогда в сердцах я... Вот и думай. Я хоть и отец, да человек... А человек – зверь. Зачем сердить его да наперекор открыто лезть? Надо всегда так... по согласию, по выгоде... Да-а!

В другой раз Петр Бородин заговорил, пряча от сына глаза:

– А что этот... Старик одноногий, новый коновал... Не видно его что-то с тех пор, как мы в новый дом перешли. Разлюбил сивуху он, что ли...

Григорий тоже почувствовал неловкость от речей отца, зябко, испуганно поежился, ответил глухим голосом:

– Брось ты, батя, это... Раз сошло, так...

– Дурак ты, – беззлобно сказал отец. – Старичонка гол как сокол. Я к тому, что... Выпил с человеком – он тебе уж кум и брат... В черный день может и пригодиться.

После долгого молчания Петр Бородин добавил:

– Коль увидишь его, спроси, что не заезжает...

Григорий промолчал.

5

Хорошо, удобно, уютно чувствовал теперь себя на земле Григорий Бородин. Ходил по деревне не торопясь, вразвалку, спрятав руки в карманы тужурки. Но замечал: если идет кто ему навстречу, обязательно постарается свернуть в проулок, будто дорога до того узка, что нельзя разминуться. Понимал Григорий, что не любят его односельчане. Хмурил узенькую полоску лба и думал с угрюмой злостью: «А ты говоришь, батя: к людям с лаской – и живи без опаски... Как же! Зазевайся только – в землю втопчут».

Никогда у Григория не было друзей. А сейчас сошелся он с сыном Гордея Зеркалова – Терехой, бледнолицым, остроносым парнем с черными густыми волосами, с вечно обсыпанными перхотью плечами. Выпив самогонки, Тереха лез целоваться, радостно выкрикивал:

– Гришка, черт!.. Мы с тобой друзьяки, как хошь!.. Мы с тобой... Вот что, Гришка, – вдруг переходил на шепот молодой Зеркалов. – Дочка попа Афанасия – Мавруха – какова?! Как арбуз налитая: помни ее – так же треснет...

– Да знаю, сто раз говорил ты о ней, – с досадой отвечал Григорий, сбрасывая руки Зеркалова со своего плеча. Тереха не обижался, только тряс гривастой головой и выталкивал из себя слова по одному:

– Ну, как хошь, как хошь... Только... она, Мавруха, боится меня одного. А вдвоем бы вызвали погулять ее, ну и... Поп – чего он сделает нам? У моего бати все – вот где... У нас ведь не только в волости сила, где дядя сидит, а и в городе...

Тереха долго вертел перед носом Григория кулаком. Потом подносил к своему, рассматривал со всех сторон и говорил:

– А то еще Дуняха... Эх, полторы жизни отдать можно.

– Ну-ка, ты... Заткнись, – тотчас обрывал его Григорий.

Тереха Зеркалов поджимал узкие губы и качал головой:

– А зря ты... Для кого берегешь ее? Для Андрюшки... Бабье рассказывает – лечится где-то Веселов, скоро приедет... И спасибо тебе скажет – сберег...

– Болтун ты... иди спи, – говорил Григорий, вставая из-за стола.

После таких разговоров с Терехой Зеркаловым Григорий делался мрачным, ходил по комнатам, по двору злой как черт, кричал на Анну Туманову, прибиравшую в комнатах, на Степку-конюха...

Дуняшка жила в его мыслях постоянно, хотя с того дня, когда Андрей Веселов выбросил его из сенок, он больше с ней и не виделся, если не считать двух-трех случайных встреч на

улице. Но Дуняшка быстро проходила мимо, опустив голову, даже не отвечая на его приветствия.

«Ну, погоди, погоди, – думал Григорий, провожая ее взглядом. – Мы вот скоро... не так еще покажем себя. Поласковее будешь, сама придешь... А Андрюху, пожалуй, и не увидишь больше...»

Однажды Григорий успел даже крикнуть Дуняшке:

– В любое время, Дуняшка... приходи, как надумаешь... В тот же час хозяйкой станешь... Не пожалеешь...

Но сколько ни «показывали себя» Бородины, сколько ни ждал Григорий Дуняшку, она не приходила. Гришка еще надеялся на что-то, пока не пошли слухи, что Андрей скоро приезжает домой.

Вскоре у Дуняшки померла бабушка. В это время Григорий был один дома – отец уехал в город продавать пшеницу.

Узнав о смерти старухи, Григорий послал Анну к Дуняшке помочь обмыть и собрать покойницу. Потом спустился вниз и сказал конюху:

– Поди... сними мерку и гроб сделай. А то... – Григорий усмехнулся. – На что им купить-то?..

Степка, однако, быстро вернулся, заявив:

– Она сказала – ничего не надо ихнего, даже гроба. И... это...

– Что? – стиснул зубы Григорий.

– И Анну, которая от нас... тоже погнала. А она – я, дескать, сама по себе пришла помочь, помимо хозяина.

Григорий повернулся к работнику спиной, стоял, покачиваясь, не вынимая рук из карманов.

– Вот, значит, – потоптался Степка, не зная, можно ли ему идти.

– Пошел, – тихо, сквозь зубы, процедил Григорий не оборачиваясь.

Примерно через неделю после похорон Григорий все-таки не вытерпел, пошел к Дуняшке. Было утро морозное, розовое, снежок звонко похрустывал под сапогами, желтогрудые жуланы суелились в кустах палисадников, обклеивая мерзлые почки. «Батя не застрял бы в городе. Того и гляди оттепель ударит...» – подумал Григорий.

Солнце, еще по-зимнему бледноватое, большое, стояло уже высоко над землей, обливая ее мягким прозрачным холодноватым светом. И земля, притихшая, покрытая крепким, утрамбованным снегом, отдыхала, чтобы потом в несколько дней сбросить его, зазеленеть всходами, зашуметь деревьями, расцвести пышным разнотравьем, пахнущим медом и знойным солнцем.

...Когда он постучал в тонкую дверь сенок, Дуняшка, не открывая, спросила:

– Зачем ты?

– Открой, чего боишься, – тихо попросил Григорий.

Дуняшка несколько секунд помедлила, как бы соображая, что ей делать.

– Погоди, выйду сейчас. – И через минуту действительно вышла, завязывая на ходу платок. – Что надо? – Она стала на низком порожке спиной к двери, смотрела на него прямо и смело, чуть-чуть сузив глаза. Где-то там, в глубине ее глаз, была спрятана не то насмешка, не то едва заметная искорка презрения. Григорий заметил все же эту искорку и опустил голову.

– Значит, так... не хочешь даже в избу пустить? ... – спросил Гришка.

– И тут хорошо... На виду у людей спокойней.

Григорий втянул голову в поднятый воротник тужурки, оглянулся, поворачиваясь всем туловищем, и спросил:

– Почему человека отослала обратно тогда? Я ведь думал помочь... Гроб бы сделал... Доски у нас свои.

– Гроб? – переспросила Дуняшка. – Гроб?

И что-то страшное почудилось Григорию в ее голосе, в этом слове, дважды произнесенном Дуняшкой.

А она смотрела на него все так же прямо, открыто, и та же искорка проблескивала в ее глазах.

Еще глубже Григорий втянул голову в воротник. И заговорил, боясь поднять глаза:

– Ты знаешь, я к тебе всегда по-хорошему. И сейчас вот... зову – пойдем ко мне... Заживем – на зависть всем...

– Ну?... Как картинку оденешь? – насмешливо спросила Дуняшка.

– Что ж... и одену.

– И на руках носить будешь?

– Буду, – тихо сказал Григорий, голос его дрожал. – Смейся, ладно... не понимаю, что ли? А... буду... – Неожиданно Григорий подступил к ней вплотную, схватил за руку и шепнул: – Ты пойми только, жизнь у тебя впереди... И у меня! Ты одна осталась – куда податься? Андрея нет. Помер, может, где... А и придет – что тебе за жизнь? Что тебе в нем? Согнет вас нужда обоих.

Но Дуняшка уже сильно отталкивала его обеими руками, отталкивала молча, крепко сжав побледневшие губы.

– Ну и толкай, ну, ударь меня. Бей!.. Хочешь, на колени стану перед тобой, – быстро говорил Григорий, цепляясь за ее старенькое пальтишко. Громко, с булькающим звуком проглотил слюну и, замолчав, впервые поднял влажные глаза на Дуняшку. Верхняя губа его, на которой пробивались редковатые рыжие волосы, подрагивала. – Я, неприглядный из себя, знаю... Тем пуще беречь тебя буду... И... вот...

Григорий быстро оглянулся – не идет ли кто по улице – и упал на колени, не сводя уже с Дуняшки заискивающих, преданных по-собачьи глаз. Она отскочила как ужаленная и хотела бежать, но остановилась, прижалась спиной к изгороди из березовых тонких жердей и тяжело задышала. Григорий, помедлив, поднялся и опять растерянно осмотрелся вокруг.

– Не подходи! – крикнула наконец Дуняшка, хотя Григорий стоял на прежнем месте. И повторила уже тише, почти шепотом: – Не подходи...

– Я не подхожу... – промолвил жалобно Григорий, пряча голову в воротник.

Так стояли они молча несколько минут. Наконец Дуняшка проговорила:

– Отойди-ка от дверей.

Григорий покорно сделал два-три шага в сторону. Тогда Дуняшка осторожно, не спуская глаз с Бородина, опасаясь, что он может неожиданно кинуться на нее, стала подвигаться вдоль изгороди к дверям. Потом стремительным рывком бросилась к дому и, чувствуя себя в безопасности, остановилась на пороге, готовая каждое мгновение юркнуть в сенцы и захлопнуть дверь. Но Григорий неподвижно стоял на прежнем месте.

– С любимым-то и нужду легче переносить, – промолвила Дуняшка, поглаживая покрасневшими от холода руками дверную скобку. – А твоего богатства не надо мне... – Помедлив, добавила еще: – Люди и так говорят про вас – с чего это разжились вдруг?

И поспешно скрылась в сенцы, стукнула дверь, потому что Бородин стал тяжело и медленно поднимать голову...

А Григорий еще постоял, тупо глядя на то место, где только что была Дуняшка. Медленно повернулся и так же медленно пошел прочь, поняв, что здесь ему больше делать нечего.

Шагая по улице, Григорий ни о чем не думал, в голове было пусто и гулко звенело, как в дырявой, разохшейся бочке.

Подойдя к дому, он увидел, что у окна стоит нищенка с грязной заскорузлой на морозе сумкой из мешковины через плечо.

– Что тебе тут? – не думая, спросил Григорий.

– Подайте милостыньку ради Христа, – проговорила нищенка.

И Григорий узнал ее.

– А-а... Аниска. Ты опять забрела к нам...

– Опять... подайте...

Но договорить Аниска не успела. Вдруг Григория захлестнула страшная, ничем не сдерживаемая злоба на эту оборванку, на самого себя, на весь мир.

– Я тебе подам!.. Я тебе сейчас подам! Взять ее! Ату!

Подбежал к крыльцу, спустил с цепи собак и сразу успокоился, обмяк. Присел на ступеньку и стал смотреть, как собаки кинулись на Аниску, как нищенка, отбиваясь, упала на дорогу и из ее сумки вывалились и раскатились камнями мерзлые куски хлеба.

Потом мимо Григория по ступенькам крыльца мелькнули чьи-то ноги. Он увидел, как Анна Туманова, раздетая, с подоткнутым подолом, побежала к нищенке и мокрой половой тряпкой стала разгонять собак.

* * *

После обеда Григорий сидел в кухне и смотрел на Анну. Стоя к нему боком, она стирала белье в большом, почерневшем деревянном корыте, время от времени вытирая фартуком потное, покрасневшееся лицо. Григорий раньше никогда не обращал внимания на Анну. А сейчас ему бросились в глаза ее крутые полные плечи, туго обтянутые ситцевой кофточкой, оголенные выше локтей руки, большая рыхлая грудь. Он встал, подошел к ней и начал молча ощупывать ее, как хороший хозяин ощупывает лошадь, прежде чем купить.

– Да ты что, Григорий Петрович? – проговорила Туманова, выпрямляясь. С рук ее капали вода и хлопья мыла.

– Ну-ка, иди... в ту комнату, – кивнул головой Григорий. И, не давая ей опомниться, добавил, чуть повысив голос: – Да иди же...

Анна стряхнула над корытом руки.

– Господи, дай хоть руки вымыть... В мыле ведь...

...А потом Григорий почему-то долго думал о том, что, хоть Анна и вымыла руки, они все равно пахнут мылом.

– Вот ты какая, оказывается... Не знал, – проговорил он наконец, чтобы отогнать неотвязчивую мысль.

– А что же? – отозвалась Анна. – Ведь не покорись тебе – прогнал бы. А жить надо... Может, и отблаговаришь когда...

– Пошла вон! – вдруг с раздражением сказал Григорий.

И Анна покорно вышла, принялась за стирку.

Григорий, сидя на кровати, опять смотрел на Анну в открытую дверь. Смотрел и думал: «Перед этой незачем становиться на колени... Эх, Дуняшка, Дуняшка!..»

Глава третья

1

После того что случилось у дома Дуняшки, Григорий несколько недель глушил тоску самогоном. Напившись, посылал Степку Алабутина за Анной Тумановой.

– Тьфу! – плевался отец, которого Григорий уже несколько не стеснялся. – Срамота-то какая! А коли мужичонка ее из солдат вернется? Убьет ведь обоих вас...

– Ты молчи, батя, – рычал на него Григорий. Отворачиваясь, добавлял: – Особенно насчет убийства...

– Что! Ах ты!.. Вырастил тебя!.. – прыгал вокруг сына Бородин, как петух, однако быстро утихал.

Однажды Терентий Зеркалов, встряхивая головой, из которой все сыпалась на плечи перхоть, сказал Григорию:

– А зря ты, Гришка... Надо с Дуняшкой – как с поповой Маврухой...

Дочку попа Мавру Григорий с Терентием все-таки заманили как-то в сосновый бор, заткнули рот и изнасиловали.

И пригрозили, если скажет кому – завяжут в мешок и бросят в озеро.

– Что ты понимаешь? Спрашиваю, что па-ни-ма-ешь!!! – Григорий смотрел на Тереху мутными глазами и усмехался. – Как Мавруху!.. Кабы так все просто...

– Очень даже, – облизнув тонкие губы, опять затряс головой Зеркалов. – Мавруха теперь... Свистну вечером под окном – идет как теленок. И Дуняшка бы так же... А Андрюха Веселов придет, не посмотрит на нее после... этого.

Григорий схватил Зеркалова за отвороты пиджака своими огромными ручищами и, притянув к себе, закричал в перепуганное лицо:

– Она и так придет!.. Придет! Потому что... Не могу я без нее. Понял?

Зеркалов, пытаясь оторвать его руки от себя, зло проговорил:

– Но, ты!.. Пиджак-то новый... Распустил слюни. Да пусти ты, дьявол!

...А через несколько дней, торопясь в лавку Лопатина за солью, Григорий, едва пройдя сотню шагов от дома, почувствовал, будто в ледяную воду свалился: навстречу ему, чуть прихрамывая, шел в солдатской шинели без ремня Андрей Веселов.

– Ты?! – задохнулся Григорий.

– А это – ты? – спросил, в свою очередь, Веселов. – Вон ты какой стал!

Но Григорий не заметил или не хотел замечать насмешки в голосе Андрея. Как ни в чем не бывало промолвил вроде даже радостно, возбужденно:

– Я и не знал, что ты приехал... Когда же?

– Сегодня ночью. Отвоевался вот.

– Ага, – сказал Бородин и быстро пошел дальше.

Вечером Григорий вытолкал из комнаты на кухню Анну Туманову, бросил ей в лицо смятое платышко, заорал на весь дом:

– Уходи ты, стерва!.. Совсем уходи, чтоб духу твоего не было у нас... Переступишь порог – убью, насмерть исполосую... – В нижнем белье бегал по кухне, тряс плетью.

– Обожди, соберусь вот. Не так же пойду, – тихо, не выказывая ни удивления, ни страха, проговорила Анна. И своим спокойствием, своей покорностью обезоружила Григория.

Он тяжело опустился на табуретку, бросил плетль и попросил:

– Да растолкуй мне – что ты за человек?!

Анна, видимо, не поняла, чего он хочет. Взялась за дверную скобку и толкнула плечом дверь...

* * *

В тот же вечер Андрей Веселов, прихрамывая, расхаживал по Дуняшкиной избушке.

– В общем, досыта я погулял по России, – говорил он. – Думал – не увижу ли ту землю, про которую Федька Семенов рассказывал... Ну да ладно... Как жила-то? Перестань, чего же теперь плакать?

Полчаса назад увидев входящего в избушку Андрея, Дуняшка без крика поднялась со скамейки и окаменела. Только глаза в одно мгновение наполнились радостными, облегчающими сердце слезами. С тех пор они не высыхали.

– Я не плачу, Андрюша... Это от радости. Ну, рассказывай, рассказывай.

– Да что – все равно не перескажешь всего.

– Ну хоть немножко. Самое главное.

Андрей приостановился, ласково глянул на Дуняшку. Потом усмехнулся:

– Кто его знает, что главное, что неглавное... Как забрали нас – месяца три обучали военному делу. Потом вместе с Тихоном Ракитиным приписали к части – и на фронт. Суток двадцать тряслись в телячьих вагонах. На двадцать первые объявили – завтра утром станция выгрузки... Да не дожили многие до завтра.

Дуняшка молча, со страхом смотрела на Андрея.

– Ночью поезд сошел с рельсов. Почти половина вагонов разбилась в щепки, – объяснил он. Помолчал и продолжал: – Очнулся я и не могу понять, где нахожусь. Так же покачивается вагон, так же стучат внизу колеса. Но попробовал подняться – и... в общем, голова у меня была пробита да сломана рука. Еще дешево отделался. Голова зажила быстро, но рука что-то все гноилась. Везили меня из лазарета в лазарет, из города в город, хотели даже отрезать руку.

Дуняшка побледнела, а Веселов поспешно сказал:

– Ну, нет... лучше уж подохну, думаю, а руку отрезать не дам. Но все-таки отрезали бы, да, на счастье, снова перевели в другой госпиталь. А там то ли лечили лучше, то ли врачи меньше ковырялись в ране – рука быстро стала заживать. Через месяц выписали, а через два – уже в окопе лежал, рядом с Ракитиным.

– С Тихоном! – невольно вырвалось у Дуняшки.

– С ним, – кивнул Андрей. – Тоже удивился я. «Ну и чудеса, – говорю, – ведь сколь мыкался с рукой по разным городам – и опять мы вместе с тобой». А он отвечает: «Тут чудес много. К примеру, Федька Семенов тут где-то. Тот ссыльный, что у нас жил...»

Вообще Тихон сердитый был все время. Почему, думаю, он такой? Рассказал я ему о своих мытарствах. Он послушал-послушал и отрезал: «Зря тебя вылечили. Все равно тут добыют. – И усмехнулся: – А ты не нашел землю ту... сказочную?»

Веселов устало опустил на табуретку возле Дуняшки.

– Ну а потом разное было... Я все думал: встречу Федьку Семенова – спрошу, где эта самая страна. Да не успел. Встреча наша, понимаешь, была короткая. Увидел я его ночью. Сажу в мокром окопе, слышу – хлопает какой-то человек ко мне. Увидел меня и быстро юркнул обратно. «Семенов, – кричу, – Федька. Не узнал, что ли?»

Тогда он подбежал ко мне, схватил за плечи и встряхнул: «Тише, Андрей! Понимаешь, не шуми...» – «Да что ты? – спрашиваю. – Прячешься здесь от нашего Гордея, что ли? Все равно Гордей далеко...»

Вместо ответа Семенов прижал меня к стене, в тень, и сам прижался.

Посидели мы с минутой молчком. Что, думаю, за человек этот Федька? Наверное, из тех, что по ночам появлялись у нас в части, вели разговоры с солдатами о какой-то революции.

И точно – только подумал, Семенов спрашивает: «Ну, как тут у вас? Что солдаты о войне думают, о революции?» – «Да что, – отвечаю, – не понимаю я, что это за революция, где она произошла». – «Не произошла еще, Андрюша, – говорит он, – но произойдет. Царь последние дни доживает. Клокочет все в стране. А в армии, сам видишь, что делается...» – «А что? Ты растолкуй понятнее», – попросил я его. «Растолкую, я частенько буду теперь бывать у вас... Но ты и сам, Андрюша, приглядывайся ко всему, прислушивайся... А сейчас я пойду, прости, светает уже, хватятся меня в роте. Голову не подставляй под пулю, она еще пригодится. Да смотри не проговоришься, что меня видел...»

Поднялись мы. Только-только я хотел спросить у него, где, мол, все же та страна, о которой ты рассказывал нам в Локтях, а в это время и рвануло неподалеку... Раз, другой... Упали мы на дно окопа. Сначала снаряды рвались сажень в двадцати. Потом все ближе и ближе. Слышу, по спине заколотили комья земли. И вдруг враз все стихло: ни звука, ни голоса. Только чую – сверху надо мной словно кто поставил большую воронку, потому что комья земли удаляли теперь в одно место: в ногу, чуть повыше колена...

Андрей замолчал. И проговорил совсем другим голосом:

– Ну вот и все. Остальное – не помню. Правда, еще голос Семенова услышал как из-под земли. «Не уберется все-таки, Андрей. Санитар! Санитар!» Потом сплошная ночь, густая, без луны, без звезд...

Дуняшка молча уткнулась горячей головой в грудь Андрею. Он поглаживал рукой ее вздрагивающее остренькое плечо, обтянутое тоненькой, насквозь простиранный кофточкой.

– Еще слава богу, что пришел... – воскликнула она. – Господи, какая же я счастливая!..

Андрей задумался, глядя в окно.

– Вот так и дослужился, – тихо проговорил он. – Когда из госпиталя домой пробирался, в городе Петербурге чуть не две недели сидел. Город, знаешь, такой, что... Может, самый большой город в мире. Поездов нет и нет. Вышел как-то на улицу – народ с заводов толпами валит, с красными знаменами. Солдат в городе полно. Увидели эти знамена и к ним с криком: «Ура! Долой войну!» Потом песню запели какую-то. И полиция ничего, не видит будто. Потом высказываться многие от рабочих и солдат начали. Слушаю – против царя говорят...

– Неужели против царя?! Что же это будет? – испуганно спросила Дуняшка.

– Не знаю я, Дуняша. А что-то будет, ей-богу. – Помолчал и сказал то, что слышал в армии от агитаторов: – Должно, царя все-таки свергнут... Ну, то есть с престола сбросят.

– Что ты говоришь-то, Андрей! – вскрикнула Дуняшка. – Ведь тогда... Господи, еще услышит кто! – И она бросилась запира́ть дверь.

– А что? Если все сразу поднимутся, то оно, может, и хорошо будет, – проговорил Андрей, не то отвечая Дуняшке, не то рассуждая сам с собой. Он присел на краешек кровати. – Семенова вот нет, тот все растолковал бы нам. Может, погиб где...

Дуняшка, закрыв дверь, вернулась к Андрею. Тот встал с кровати, надел шинель.

– Ну, пойду я, Дуняша. Поздно уже. Как все-таки жила-то? Гришка Бородин как тут?

– Да что – жила... Гришка на коленях передо мной стоял, да я... День и ночь ведь о тебе думала.

Она подняла глаза, полные слез, и снова опустила их. Андрей крепко прижал к себе Дуняшку.

– Верю я, верю... Вижу, что думала. Потеплеет – свадьбу сыграем. Ладно?

– Ладно, – прошептала Дуняшка. – Столько ждала, а тут уж... чего уж...

– Нога к тому времени совсем подживет.

– Да хоть и без ноги бы... Андрюша!

– Тогда, может... Пойдем сейчас ко мне... Навсегда.

Горячее Дуняшкино тело вздрогнуло в его руках. Но едва Андрей пошевелился, она через силу оторвалась от него, закрыла пылающее лицо обеими руками:

– Нет, нет... Чтоб по-хорошему все, Андрюшенька... Как у людей.

* * *

Февраль 1917 года был морозным и вьюжным. Каждую ночь Локти заметало почти до труб. С высоты второго этажа своего дома Григорий любил смотреть утрами, как люди откапывают домишки от снега. «Старайтесь, – думал он с каким-то непонятым самому себе злорадством, – а к завтрашнему утру опять доверху замурует ваши лачуги».

– Слава те господи, хоть сенцо скотине до погоды вывезли, – чуть не каждое утро говорил старый Бородин, вставая с постели и выглядывая по привычке в окно. – Все дороги ить с верхом забутило, ни пройти, ни проехать.

А в конце месяца ударила неожиданно оттепель. Снег сразу осел, размяк, начал плавиться. Воздух сделался синеватым, прозрачным, остро и волнующе запахло хвоей. К полудню начиналась капель, а чуть позже – перезвон падающих сосулек.

Ночами, однако, по-прежнему подмораживало. Снег схватывало прочной ледяной коркой, и тогда по певучему насту можно было идти, даже ехать на лошади в любую сторону.

После долгого перерыва в Локти пришла наконец почта. Григорий, проходя утром по улице, видел, как усатый кряжистый почтарь передал Гордею тоненькую пачку писем и бумаг, несколько газет и, крикнув вознице: «Заворачивай!» – стал натягивать на форменную тужурку огромный дорожный тулуп.

Этот почтарь не прочь был иногда завернуть в дом Бородиных и выпить на дорогу стакан-другой самогонки, поболтать. Поэтому, едва староста скрылся с почтой в руках за дверью, Григорий смело подошел и проговорил:

– Быстро ты ноне, дьявол.

– Ну-ка, отвори с пути, – сурово двинул бровями усач и сел в сани.

– Что так? Неужто побрехать неохота? Или язык об угол вон почесал?

Почтарь молча ткнул кучера в плечо: гони, мол. Тот дернул вожжами.

– А то завернул бы к нам, – продолжал Григорий. – Батя самогонки наварил – горячей огня...

– Горячей огня, да, видно, не для меня, – скороговоркой ответил почтарь.

– Что так? Обезденежел, что ли? – удивился Григорий и сморщил, как старик, узкий острый лоб.

– Было время – попили. А с похмелья встали да бутыль разбили, – опять как-то торопливо, непонятно ответил почтарь.

– От режет, дьявол! – воскликнул Григорий. – Значит, проснулись – и разбили?

– Именно... А вот вы спите тут еще... Ну, ничего, разбудят... Трогай!

Возница замахал длинным кнутом, а почтарь обернулся к Григорию, сверкнул из-под незапахнутого тулупа пуговицами форменной тужурки и проговорил:

– Теперь уж разбудят...

Почтарь уехал. Григорий проводил его взглядом, заложил руки в карманы, постоял еще немного и пошел дальше. Но неожиданно в доме Зеркаловых стукнула дверь. Григорий обернулся и увидел, как Терентий, соскочив с крыльца, торопливо побежал во двор, вывел оттуда верхового коня. Через минуту из дома вышел сам староста, вскочил в седло и понесся по улице.

«Куда это он как очумелый?... – подумал Григорий. – Ага, поворачивает на дорогу через озеро. В город, значит. Черт, гонит что есть духу, изувечит коня».

Узнав о прибытии почты, к дому старосты уже подходили бабы – нет ли писем от мужей с фронта? Они окружили высокое крыльцо, стучали в закрытую дверь. Терентий долго не открывал. «Что он, не слышит, что ли?» – подумал Григорий. Это снова показалось ему подозрительным, и он решил посмотреть, чем же все кончится.

Наконец Терентий открыл дверь, заорал во всю глотку:

– Чего ломитесь? Берите! – и швырнул им письма прямо в снег.

Григория охватило вдруг нехорошее предчувствие, он испугался, сам не зная чего. «Не стал бы ведь Гордей коня зря гробить, не помчался бы очертя голову, кабы...»

Подождав, пока женщины ушли, он крикнул:

– Тереха!

Терентий, собиравшийся войти в дом, нехотя остановился.

– Куда это... батя твой? – спросил Григорий, подходя.

– По делам, стало быть, – бросил Зеркалов, поворачиваясь к Бородину спиной.

– А-а... вон что...

Терентий хлопнул дверью.

В марте неожиданно приехал домой Тихон Ракитин. Когда Дуняшка прибежала к Андрею, чтобы сообщить ему об этом, она долго не могла перевести дух, потом вымолвила только одно слово:

– Тихон!

– Что? Что случилось?! – испуганно спросил Андрей и шагнул к ней, схватил за плечи. Голова Дуняшки запрокинулась, смеющиеся глаза поблескивали.

– Тебя обрадовать бежала... Только что Тихон Ракитин приехал...

– Так что ж ты молчишь-то?! – закричал Андрей, схватил шинель и кинулся на улицу.

Друзья столкнулись в темных сенях Тихонова домишка. Ракитин крикнул беззлобно:

– Угорелый, что ли! Несется как на пожар...

– Тихон!

Вместо ответа Ракитин схватил в темноте Андрея, прижал до хруста к себе.

– Тише ты, черт. Осталась еще сила... – задыхаясь, проговорил Веселов.

– А я ведь к тебе тороплюсь. Ну, айда в дом...

Скинув шинели, друзья снова обнялись. Потом стали разглядывать друг друга.

Андрей был бледен, худ. Ракитин выглядел не лучше. Через всю щеку его протянулся глубокий синеватый шрам.

– Та-ак... красавец, – промолвил Андрей. – Где это тебя? – показал он глазами на шрам.

– В Галиции. Подлечили – и опять в пекло. На другой же день снова башку чуть не оторвало... Ну, проходи к столу, Андрей. У меня бутылка самогону есть. И вот... – Ракитин высыпал на стол несколько луковиц, положил черствую краюху и кусочек заветренного сала. – Ну, рассказывай, ты-то как? Что про революцию тут говорят?

Веселов, начавший было шелушить луковицу, медленно повернул голову к Ракитину.

– Про что?

– Царя ведь в Питере того... с престола сбросили. Да ты что смотришь так? Не слышал, что ли?

Андрей бросил луковицу, встал. Но потом снова сел. Ракитин сказал:

– Я лежал в больнице. А как услышал – домой заторопился: может, думаю, земли богатыйские делить будут...

– Так... – промолвил Веселов, и Ракитин не понял, то ли он выражал удовлетворение по поводу того, что произошла революция, то ли подтверждал насчет дележа земли.

Помолчав немного, Ракитин хотел уже спросить Андрея, как же им теперь быть, что делать, но Веселов сам проговорил:

– Что же, Тихон, нам теперь делать, а?

* * *

С этого дня загудели Локти, как потревоженный улей. Из дома в дом засновали люди, передавая необычайные вести.

– Слыхали, о чем Тихон Ракитин болтает? Царя-де скинули, революцию устроили.

– Какая такая революция? Как же Россия-матушка без царя?

– Нам что с царем, что без царя... Налоги все едино платить кому-то придется.

Молчаливый и робкий работник Бородиных Степан Алабугин спрашивал то одного, то другого:

– А вот революция – об чем она говорит? И как это – «царя скинули»? Кто?

Ему отвечали:

– Ракитин с Веселовым сказывают – народ, рабочие.

– Да кто его, народ-то, к царю допустил? Там, поди, охрана? – допытывался Степан Алабугин.

– Айда к Веселову, пусть разъяснит нам! – кричали мужики.

Кузьма Разинкин, оглядываясь на стоявших в толпе Игната Исаева и Демьяна Сухова, предостерегающе говорил:

– Идите, идите... Приедет Гордей Зеркалов – Андрюшку с Тихоном возьмет за жабры. И вам хвосты поприжмет.

– Не пугай раньше времени. Может, революция эта с пользой для нас произошла, коли в самом деле царя скинули, – отрезал Авдей Калугин.

– С пользой?.. Скинули?.. – петухом налетал то на одного, то на другого Петр Бородин. – Побойтесь бога, мужичье! Глотку заложит после таких слов, как жрать будете?

– Ничего, нам и без того жрать нечего, – ответила ему Марья Безрукова.

«Вон, оказывается, зачем в город поскакал Гордей Зеркалов!» – обеспокоенно думал теперь Григорий Бородин.

Но в разговоры не вступал, отмалчивался.

Когда стоял снег и начала просыхать земля, отец и сын Бородины принялись готовить плуги к пахоте, наверстывая упущенное.

Деревенские бедняки в эти дни пуще прежнего захороводились вокруг бывших фронтовиков, собираясь то у Веселова, то у Ракитина. Пока лежал снег, мужики, грызя семечки, дымя самосадом, рассуждали о революции так и эдак, а теперь, когда наступило время полевых работ, поставили перед Веселовым, которого почему-то считали более сведущим, вопрос прямо: что делать?

Андрей переглядывался с Тихоном, неловко топтался перед односельчанами.

– Да что вы, мужики, у меня-то... Я бы рад сказать вам, да сам...

– Ну, ты все же пограмотней нас, хоть расписываться умеешь... А мы – совсем темнота.

– Ты же как объяснял? Революция – значит, царя-кровопийцу сбросили, оружие народ повернул против богачей... А мы что – не народ? Надо и нам поворачивать.

– В общем-то это так, но... Повременим еще маленько, может, прояснится что...

Но ничего не прояснялось. Газеты в Локти теперь совсем не доходили. Что делалось за глухой стеной соснового леса, никто не знал.

А мужики все настойчивее требовали ответа. И Веселов, еще не зная, правильно это или нет, сказал:

– Ну что ж... Должно быть, раз революция, землю кулацкую нам промеж собой разделить надо...

Голытьба хлынула в поле. Но зажиточные мужики, жавшиеся все время к Лопатину, не ждали этого дня, не ждали Зеркалова, который все еще был в городе, – что-то, мол, он приве-

зет, – они заранее стали потихоньку распахивать свои участки. Увидев это, мужики остановились в нерешительности, опять обступили Андрея. Тот, подумав, проговорил:

– Айда на зеркаловские пашни.

До вечера мужики размеряли землю, втыкали колышки. А вечером неожиданно появился среди них сам Гордей, молча прошел сквозь расступившуюся толпу и спокойно, деловито начал выдергивать колышки.

– Ты что же это, а? – кинулся было к нему Андрей. – Ведь революция...

Гордей Зеркалов выпрямился, спросил спокойно:

– Ну так что? Законы, что ли, кто отменил? В городе тоже революция, а фабрики у владельцев никто не отбирал.

– Врешь!

– Поди узнай... Ишь обрадовались. Марш отседова! Завтра сам пахать начну.

Если бы Зеркалов кричал и матерился, ему не поверили бы. А за его спокойным тоном чувствовалась правда, уверенность, какая-то сила. Мужики, сплевывая с досады на зеркаловские земли, стали медленно расходиться.

– Вот те и революция, ядрена вошь. Богачей, должно, никакой революцией не сковырнешь. Женись, Андрюха, хоть напьемся с горя на твоей свадьбе...

Когда Зеркалов остался один, к нему тотчас же подошли зажиточные мужики, наблюдавшие за всем со стороны.

– Ну, как там, в городе? Или взаправду царя-батюшку, а? Ты-то как, при должности али тоже сняли?

– Не то чтоб сняли, а вообще... – неопределенно ответил Гордей, повернулся и пошел в деревню.

Петр Бородин, узнав о приезде Зеркалова, на другой день к вечеру забежал к нему. Староста – какой-то смятый, невыспавшийся, заросший густой сизоватой щетиной – сидел за столом.

– Правда, что ли, Гордей Кузьмич? – спросил Бородин, едва успев поздороваться.

– В каком смысле?

– Тьфу!.. Да вон, народишко болтает...

– Мало ли чего... – опять неопределенно ответил Зеркалов.

– Ты все-таки бумаги получаешь... В городе был... Может, там разъяснили тебе – что да как... И как дальше нам быть? А? Землица-то вот-вот подойдет, сеять надо. А людишек нанять – не найдешь... Сам-то хвораю, а сын...

– Ты поищи, – вяло посоветовал Зеркалов.

– Поищи... – обиженно тянул Бородин и жаловался: – Я что, не искал, думаешь? Все одно говорят: «Посмотрим еще, наниматься ли. Революция ведь... Отгуляем вот, тогда приходи, поговорим...»

Зеркалов вопросительно поднял брови.

– Андрюшка Веселов женится, – торопливо объяснил Бородин. – Нашел время, дьявол, жениться! Вся голытьба у него собирается гулять. И наш конюшишко Степка Алабугин – туда же. Тоже свадьба – в складчину...

Зеркалов встал и молча ушел в другую комнату, давая знать, что разговор окончен.

* * *

Григорий тоже знал, что Дуняшка выходит замуж за Андрея Веселова.

Почти целый день, заложив руки в карманы, Бородин стоял у окна и смотрел на ровную, словно отполированную гладь озера. В небе висели рыхлые ватные комья, отражаясь в воде, отчего озеро казалось прозрачным и бездонным. Скользили иногда невдалеке от берега рыба-

чьи лодки. Лодки не оставляли следов, и казалось Григорию, что они плывут не по воде, а по воздуху, между двух слоев облаков.

В открытое окно доносились от дома Веселова шум, крики, пьяные песни. Григорий слушал, намертво сжав кулачищи, будто хотел раздавить свои собственные ладони.

...Свадьба у Веселова была многолюдной, шумной! На ней собралась вся беднота. Маленький дощатый домик Веселова не мог вместить всех гостей, столы пришлось вынести во двор, под старые корявые березы.

Идя на свадьбу, каждый что-нибудь приносил с собой: десяток яиц, бутылку самогону, краюху хлеба, вареную курицу. И столы если не ломились от закусок, то выглядели довольно богато. Тихон Ракитин принес даже банку рыбных консервов с иностранной этикеткой – диковинку, не виданную еще в этих краях.

Дуняшка, принимая продукты, краснела до слез, что-то невнятно бормотала в ответ.

– Господи, чем же мы их отблагодарим, Андрюшенька? – спрашивала она, прижимаясь к его груди.

Андрей, бледный, тоже взволнованный не меньше ее, отвечал:

– Ну чем... Может быть, придет время – отблагодарим чем-нибудь... – Андрей останавливался, не зная, что говорить дальше. – Очень уж охота мне увидеть счастливыми всех этих людей.

Дуняшка понимала, что Андрей мучается, не видя пока способа помочь этим людям стать счастливыми, говорила:

– Ничего, Андрюшенька... Мы уж найдем как...

– Семенов приедет сюда, вот увидишь, – вдруг убежденно проговорил Андрей. – Или кто из тех, что на фронте беседы по ночам вели.

Когда сели за стол, Дуняшка, в новом ситцевом платье, припасенном для этого дня почти полгода назад, первая подняла стакан мутноватого пива:

– Спасибо вам, люди добрые... Спасибо... – И больше не могла вымолвить ни слова, заплакала на виду у всех, не стесняясь, засмеялась сквозь слезы, растирая их ладонью по лицу.

До глубокой ночи царило веселье на тесном дворе Андрея Веселова. Мужики, забыв о своей нужде, о неудавшейся попытке распахать жирные земли Гордея Зеркалова, пели бесконечные песни, яростно плясали, выбивая траву, поднимая целые облака пыли, по десять раз подходили к Дуняшке и Андрею, обнимали их, говоря:

– Живите, чтоб вас, хорошие наши... А? Может, и правду жить будете... Не то что мы. Эх!..

Отгуляв, мужики на другой же день вернулись к своим прежним мыслям, – что же делать дальше?

– Царя сбросили там, в Питере, – так. А у нас тут богатеи живут себе припеваючи, как в прежние времена. Лопатин вон по улице расхаживает как ни в чем не бывало. Зеркалов из города воротился... Что с ними делать; а, Андрей? Революция, что ль, не дошла до нас? Ведь ребятишки дома жрать просят...

Действительно, у каждого была семья, которую надо было кормить. Посоветовавшись так и этак, мужики решили: наняться пока, как и прежде, к богачам на время сева, а там видно будет.

Тихон Ракитин, Андрей Веселов и еще несколько мужиков пошли работать к Бородиным. Григорий, который не мог теперь даже видеть Андрея, заявил отцу:

– Кого хошь бери, а Андрюшку гони к чертовой матери.

– Что ты, что ты! – замахал руками отец. – Сейчас ведь каждый работник – божья милость. Отказать легко, а где другого взять?..

– Тогда сам сей, а я лавку строить буду.

Старик поморгал сухими веками, подумал и махнул рукой: «Ладно, строй».

Отсеялись Бородины благополучно.

– Теперь до сенокоса, ребятушки, – ласково говорил Петр Бородин работникам. – А раньше – где работы взять? Рассчитал вас честь по чести – и с богом...

– Проживем мы на твои деньги до сенокоса... благодетель ты наш, – угрюмо проговорил Андрей, получая замусоленные бумажки.

– Еще и останутся, в чулок жинка лишние положит, – сказал Тихон Ракитин. – Вон как щедро отвалил, куда девать столько, – добавил он и, сплюнув, громко выругался.

– Так ведь, ребятушки... Лопатин вон меньше дает. Как ведь договаривались... – крутился Петр Бородин. – А в сенокос приходите. Договоримся по цене, что и Лопатин дает, а потом я потихонечку накину по рублику за недельку. Приходите. И бабам вашим найдется, что делать...

Григорий в расчетах не участвовал, хотя отец настойчиво заставлял его выдавать работникам деньги.

– Ну а теперь за лавчонку вплотную братья надо, – говорил на другой день Петр Бородин сыну, дуя в фарфоровую чашку с чаем. – Как там, красят прилавок?..

– Должно, – неопределенно ответил Григорий.

Отец вскипел:

– Как должно! Ты хозяин или нет? Ты что всю весну делал?

– Чего орешь?

– Ты на кого этак-то? – задохнулся старик. – На батьку родного?.. – Потом протянул жалобно: – Опять ты как телок сонный... Человеком становился вроде.

– Да отстань ты... Сказал – красят... Чего тебе? – сдвинул брови Григорий.

– Сказал, как связал... Долго ли сохнуть-то будешь? Знаю ведь, чего тебя зацепило! – воскликнул отец. – Ну и пусть она лохмотьями трясет... Вчера Андрюха принес ей капитал, как... блоху в кулаке. Пальцы разжал – блоха прыг, и пусто.

Григорий сидел за столом, молча рассматривал свои крючковатые, как и у отца, руки.

– А уж коль надо ее было, так... не хлопал бы ушами... Тереха Зеркалов тебе правильно говорил. Куда бы она делась... Анну-то вон... сумел.

Шея и лицо Григория стали медленно наливаться кровью, багроветь. Но он ничего не сказал, только сжал кулак и, закусив губу, вдруг со всей силы трахнул им по столу и тотчас встал на ноги. Звякнула посуда. Один стакан с чаем опрокинулся на клеенку, покатился и упал...

Петр Бородин, не на шутку испугавшись, пулей вылетел из-за стола, уронив фарфоровую чашку.

– Тебе, батя, что убить человека, что... – отдельно произнес Григорий и замолчал, не находя нужного слова.

– Тьфу, – в сердцах плюнул старик и вышел из кухни, где пили чай.

Безмолвная бабка Дарья стала подбирать с пола осколки.

Когда Петр Бородин вернулся в кухню, Григорий все еще сидел за столом, хотя вся посуда была с него убрана.

– Ну, остыл? – спросил отец. – Плеснуть водицы на тебя – зашипело бы...

– Ты не утешай, батя... – попросил Григорий. – Я сам отойду.

– Жениться тебе надо, вот что, – проговорил отец. – Тогда и отойдешь скорей. Но, зыкни еще раз на отца! – добавил он, видя, что сын поворачивается к нему.

Григорий усмехнулся.

– На ком же посоветуешь, батя?

– Еще зубы скалишь! По мне – хоть на той побирушке, которую, сказывала Анна, собаками травил, лишь бы на человека стал похож... Хозяйство ведь на руках у нас... у тебя, можно сказать...

– Спасибо за совет.

– На здоровье. Ты хотел не краше взять, так чего уж...

В этот день Петр Бородин еще раз завел разговор о женитьбе Григория.

Вернувшись к обеду из лавки, он довольно потер руки:

– Зря я утром на тебя... Ведь покрасили уже, почти высохло. Я замotalся тут... с посевом. Думал, ты и в самом деле прохлаждался, не подгонял старичишек да баб... А у тебя уже все готово...

Григорий подождал, пока отец замолчит, и скривил губы:

– Старался...

– Это хорошо. А вот насчет женитьбы, Григорий, раскинь мозгами. Подыщи кого-нибудь... Чего тебе так... а? Ведь откроем когда-нибудь лавку, надо будет торговать кому-то. Приказчиков нынче нанимать нельзя – все воры. А тут бы свой человек...

Григорий ничего не ответил на это.

2

Как-то, года два назад, Григорий был на сенокосе. Он уже совсем собрался поддеть на вилы маленькую ярко-зеленую копешку лугового сена и бросить ее на волокушу, но остановился, пораженный необычным зрелищем: куча сена была мокрой, и разноцветные капельки воды дрожали чуть ли не на каждой травинке, переливаясь под лучами солнца.

Григорий стоял, пытаясь сообразить, почему не высохла на этой копне сена утренняя роса. Но вдруг среди полнейшей тишины и безветрия налетел вихрь, бешено закружился над копешкой. Григорий невольно отскочил в сторону и удивленно смотрел, как у него на глазах быстро таяла куча сена. Вихрь со страшной силой непрерывным веером втягивал в себя травинки, уносил их куда-то к небу, а потом приподнял оставшийся тонкий пласт сена, перевернул и со злостью швырнул обратно на землю.

Вихрь унесся так же стремительно, как и налетел. Оставленный им пласт сиротливо чернел под солнцем среди свежей зелени. Оказывается, копешка лежала на маленькой мочажине и снизу вся сгнила, сопрела. Григорий поковырял вилами ржавые стебли и отбросил их в сторону.

...Открыть лавку, о которой столько мечтал старый Бородин, так и не пришлось.

Пахнувший свежим тесом и краской магазин вспыхнул среди ночи, осветив полдеревни. Горел долго и ярко, стреляя искрами в собравшийся вокруг народ. Петр Бородин, в расстегнутой рубашке, взлохмаченный, обезумевший, метался среди людей, выкрикивал:

– Господи! Люди добрые!! Помогите Христа ради... Что же стоите, ведь горит все! По миру мне идти теперь...

Однако люди стояли молчаливые и безучастные, как нависшая над Локтями ночь. Только огонь отсвечивал на их хмурых, окаменевших лицах.

Через толпу протиснулся Григорий, только что вставший с постели, несколько минут смотрел, как струи пламени бьют из-под крыши, рвутся изнутри сквозь тяжелые ставни, наискось опоясанные железными болтами. Он не метался, не кричал, как отец, только одна щека его нервно подергивалась да пальцы левой, не засунутой в карман руки сжимались и разжимались.

Среди полнейшего молчания ухнула крыша, взметнув к небу снопы крупных искр.

– Вот! Во-от! – застонал Петр Бородин и, обессиленный, присел на землю.

– Ничего, – проговорил Андрей Веселов, будто желая утешить старика. – Скоро все сгорит...

Григорий молча повернулся и ушел.

Когда Петр перед рассветом, закопченный, в прожженной рубашке, приплелся домой, Григорий сказал ему:

– Лопатин... удружил тебе...

– А? – вздрогнул старик всем своим маленьким щуплым телом.

– Забыл, что ли?.. – Григорий усмехнулся. – Он тебя по-всякому отговаривал: и народу мало, покупать, мол, некому, и товар возить издалека надо... Пашни свои предлагал даже по дешевке... А ты не послушался...

– Ага... ну да... – мотал головой отец, пытаясь понять, что говорит Григорий.

Едва рассвело, старик решительно встал и пошел к Лопатиным. Вернулся, однако, очень скоро, бросил в угол костыль, плюхнулся на лавку.

– Уехал, говорят, хозяин три дня назад по делам в соседнюю деревню... Хитер тоже, а? Люди – волки лютые... Ну, погоди... Мы тебя... погоди-и... – И Бородин потряс в воздухе высохшим кулаком.

– А может, и Андрюха это... – сказал вдруг Григорий. – Тот еще лютей волка, однако... Старик ничего не мог говорить, сидел жалкий, придавленный.

Но беда, как говорят, не ходит одна.

Однажды завернул к ним Гордей Зеркалов. Войдя, закрыл за собой дверь на крючок.

– Чтоб не помешали, – объяснил он. – Разговор серьезный будет.

– Именно!.. – кинулся ему навстречу Бородин. – Ты проходи, садись, Гордей Кузьмич. Лопатин-то что со мной сделал, а? Кто ж мог подумать?

– А что? – поднял Зеркалов глаза, в которых светилась плохо скрываемая неприязнь.

– Как что? Магазинышко-то...

– Ну?

– Он ведь, Лопатин... Поперек горла я ему... И спалил-таки...

– Чем ты докажешь? – сухо и холодно спросил Зеркалов.

– Что доказывать? Он все ходил тут, хвостом землю мел... зачем, мол, ты...

Но Зеркалов не стал слушать, поморщился и перебил его:

– Нашел о чем... Сейчас другая забота... Пропадем мы... И ты и я, если...

– Господи, да что еще? – промолвил старик упавшим голосом.

Зеркалов помедлил и начал:

– Вот что, Петр... как там тебя дальше? Забыл. Насчет Григория... Я все делал, пока, знаешь, можно было... Потому как по-дружески к тебе относился.

– Вон что! – протянул Петр, и руки его затряслись...

– Да... А теперь дозналось начальство... Ну и... сам понимаешь. За такие дела могут и меня, и... особенно Гришку...

Зеркалов замолчал, давая возможность Бородину осмыслить все сказанное. Повернулся к нему спиной и стал ждать.

– А... не шутишь? – робко, с бледной тенью надежды спросил Бородин. – Люди болтают, вроде ты не при власти теперь, потому-де... И начальство, говорят, новое сейчас в городе...

Зеркалов покусывал с досады губы: на этот раз с Бородина, очевидно, ничего не удастся сорвать. Но на всякий случай бросил на него гневный взгляд, пригрозил:

– Ну и... оставайся тут, жди, когда приедут за Гришкой... Узнаешь потом, старое или новое начальство в городе. Я-то вывернусь как-нибудь...

И шагнул к двери. Бородин догнал, повис у него на руке:

– Да ты подожди, Гордей Кузьмич... Я ведь так, сдуру... Надо уж как-то вместе... Твой-то, Терентий, тоже... В один год с Гришкой ведь родился...

Зеркалов стряхнул Бородину:

– Ты не болтай, чего не знаешь!.. У Терентия отсрочка, по закону... Как выхлопотал я – не твое дело... А по закону! Понял ты?

– Понял, Гордей Кузьмич, понял... Прости великодушно. Неужели ж так-то теперь... и нельзя никак? – завыл Бородин, опять хватая его за рукав и усаживая.

Гордей Зеркалов не особенно сопротивлялся, сел, вытащил из кармана большой платок и неторопливо вытер лоб.

– Можно, конечно, – сказал он немного погодя. – Заткнуть надо кое-кому рот... Там...

И кивнул головой на окно. Петр присел на лавку, опустил голову.

– Если в раньше... А теперь-то чем? Погорел ведь я... Сам нищий стал...

– Коней продай, – подал голос Зеркалов.

Бородин вскочил, замахал руками:

– Что ты, что ты? А сам с чем останусь? Хозяйство развалится.

И вдруг закрутился по комнате, точно в припадке:

– Ну и пусть!.. И пусть приходят, забирают Гришку, засудят, в солдаты законопатят, мне с него толку – с комариную холку... Вырос он моими заботами да на мое же горе... У других дети как дети, а у меня в сучки срос... Все, что было, на ветер из-за него пошло...

– С ветра и пришло... – перебил Зеркалов.

Старик от неожиданности встал посреди комнаты как вкопанный. Руки его тяжело обвисли.

– А откуда же? – продолжал Зеркалов. – Клад в земле нашел, что ли? Их уже до нас все повыкопали... Думаешь, мало я жалоб на тебя в печь побросал? Народишко давно-о интересуется: с чего разжился...

– Вот... И ты как Лопатин... – побледнев, еле выговорил Бородин.

– Я к тебе всегда по-дружески, – ответил Гордей. – Да вижу – не собрался с мыслями ты... Пораскинь умом... Ладно, в другой раз потолкуем.

– Что толковать? – грустно откликнулся старик. – Кроме скотины и дома, у меня ничего нет. А лошадей кому продашь?

– Давай я сам продам... Тебя чтоб не беспокоить. Я полагаю, двух хватит, чтоб мне уладить дело. Не всех же тебе коней лишаться...

– Бери, – безразлично и устало махнул рукой старик.

Григорий, узнав о потере двух лошадей, вымолвил негромко:

– Та-ак! Обдирают нас... Щиплют как дохлых кур – по перышку...

И в голосе его, звенящем как туго натянутая струна, прозвучало злобное предостережение кому-то.

– Хороши перышки, – простонал отец. – Этак глазом не успеешь моргнуть – голым местом засверкаешь... Ведь ничего у нас не останется... Подавился бы он конями...

– Ну ладно, чего теперь быть? Не поможешь этим...

– Эх, сынок, не отстанет он от нас теперь, жирный боров, пока не доконает... Ишь завел: «Жалобы», «с чего разжился»... Не отстанет. – Старик вздохнул.

Однако и это было еще не все.

Через неделю или полторы, поздним вечером, когда Бородины ложились уже спать, к ним прибежал поп Афанасий. Остроносый, растрепанный, с круглыми горящими гневом глазами, он напоминал какую-то хищную птицу – не то сову, не то ястреба. И полы его тяжелой рясы тоже махали, как крылья птицы, когда он заметался по комнате.

– Да ты что, батюшка! – встревоженно спросил Петр Бородин.

Поп ничего не мог вымолвить, не в силах был раскрыть жирных трясущихся губ. Подбежав к Григорию, он поднял над его головой обе руки, точно хотел обрушить на молодого Бородину что-то невидимое и тяжелое.

– Вв-а... вв-а... – несколько раз взвизгнул поп, трясаясь над Григорием. – В ад бы тебя, антихриста, чтобы горел на вечном огне, дьявол, аспид, с-сатана-а... – И, захлебнувшись, упал на табурет.

– Бабка, воды... скорее! – заревел Петр Бородин на кухню, где шаркала ногами по полу старуха.

Но поп Афанасий уже снова метался по комнате.

– Воды?! Ты спроси лучше, что сынок твой с Маврушкой моей сделал! Ты спроси его, антихриста... Ну что молчишь? Спроси, спроси...

– Господи, господи, – растерянно крутил головой на тонкой шее Петр Бородин, нервно крестясь. – Да ты что, батюшка?

– Не поминай бога, не поминай! – краснея от натуги, ревел поп – Опозорили седины мои... Ведь Маврушку-то он, сынок твой... Понесла она... Все таилась, таилась, пока глаз мой не замечал, а сегодня после ужина выложила все, он, Гришка твой, да Гордея сынок... Господи, неужели переживу!.. Куда я с ней? – И повернулся к Григорию: – Бери ее теперь!

Петр Бородин оттолкнул очутившегося возле его кровати попа, встал и выбежал в кухню. И уже оттуда ринулся на Григория, сжимая в руках короткую железную кочергу.

– Ах ты... кобель! – срывающимся голосом крикнул Петр, наступая на сына. – Ах ты кобель! Что наделал, что наделал!.. Терпел, видит бог, да лопнуло мое терпение... Маленького тебя разорвать бы надо!.. На одну ногу наступить, а за другую дернуть!!

Таким Григорий еще никогда не видел отца. И он второй раз в жизни испугался его, хотя сейчас у отца в руках был не топор, а обыкновенная кочерга.

Григорий до того растерялся, что не сообразил даже выбежать в кухню. Несколько секунд они, пригнувшись, кружили по комнате, сторожа, как лютые враги, друг друга, забыв о прижавшемся в углу священнике. И пока кружили так, Григорий немного опомнился, пришел в себя. Когда отец бросился на него, он отскочил в сторону и в тот же миг сам неожиданно кинулся сбоку к отцу, намертво вцепился ему в кисть руки, сжал ее, не жалея, изо всей силы. Петр Бородин глухо вскрикнул от нестерпимой боли, кочерга упала на пол. Подняв ее, Григорий сильно толкнул отца на кровать. И проговорил, переводя дыхание:

– Старый ты пес... Убил бы ведь! Шутки тебе?!

– Вот, вот... видел, батюшка? – скрипуче протянул Петр Бородин. – Батьку псом называет... Это как?

– А ты, поп... – повернулся Григорий к священнику, – чего тут икру мечешь? Ты бы... дочку-то получше стерег. Не набегала бы тогда...

Отец Афанасий, изумленный тем, как с ним говорит молодой Бородин, только безмолвно открывал и закрывал рот.

– Ну, чего? Дай ты ему воды, бабушка... Видишь, зашелся, – сказал Григорий старухе и бросил в кухню кочергу.

– Ты... ты... – Поп сделал судорожный глоток и боднул головой воздух – Да я же тебя! Ах ты поганец... Да ведь стоит мне... сказать про метрику...

– Которую ты отцу продал, что ли? – спросил Григорий, усмехаясь.

– Кто продал, чего плетешь?

– Э-э, не боюсь я твоих угроз, – махнул Григорий рукой и пошел к своей кровати – И ты, батя, не бойся. Зеркалову двух коней отвалил. А зря, вот что! Пугать они горазды. А рыльце-то в пуху. Пусть попробует что-нибудь теперь! Сами себя на свет вытасят. Да и время-то сейчас такое... Кем они пугают? Не теми ли, кто сам напуган?..

Григорий разделся и лег в кровать, не произнеся больше ни слова.

* * *

Петр Бородин увел попа в другую комнату. Там они долго о чем-то говорили. Наконец Григорий услышал, как стукнула внизу дверь.

Поднявшись наверх, отец ходил по комнате, покряхтывая, почесываясь. Наконец проговорил:

– Спишь, Григорий?

Спросил таким голосом, будто в этот вечер ничего не произошло между ними.

– Нет. Чего тебе?

– Так, говоришь, зря они пугают нас?

– Конечно.

– Так-то так, а все же... боязно мне. Неизвестно, как еще все повернется. Лучше уж в мире жить со всеми. Бог с ними, с конями. И попу я наобещал сейчас... кой-чего. Он ведь жадюга, глаза завидушие, руки загребушие.

– Ну и зря, – проговорил Григорий, по-прежнему не оборачиваясь.

– Обещать – еще не дать. Обещанного три года ждут. А вот с Лопатиным не поладили мы... Возьми теперь его... Не дал за землицу-то доплаты ему – и озлился. Все-таки корчевал ее он, распахивал. А тут еще с лавкой полез наперекор ему. Ты спишь?

– Сплю уже... И ты спи.

Петр Бородин лег в кровать, такую же скрипучую, как и он сам. Полежал немного и спросил:

– А может, и в самом деле... возьмешь Маврушку?

– Ребенок-то у нее от Терентия, должно...

– Ну-к что? Я бабке нашей скажу – выживет. Хозяйка была бы все-таки. Кого же тебе брать? Он ведь, отец ее, поп все же... Не последний человек в деревне.

– Отстань, батя, спи давай... – недовольно пробурчал Григорий.

Отец вздохнул, тяжело перевернулся со спины на бок.

– Вот дела... Теперь, почитай, все сызнова начинать надо... Разорились. Вся надежда на урожай.

Григорий не отозвался. Отец подождал немного и проговорил со вздохом:

– А ты кобель все ж таки. Эх, угораздило... Мало тебе, Григорий, других баб. Вон Анна Туманова, куда уж ни шло...

Старик долго ворочался, вздыхал, шептал что-то, раздумывая и о сгоревшей – не открытой еще – лавке, и об отданных задаром конях, и о том, как бы нащупать опять любую тропинку к богатству. Любую! Хотя бы и вроде той... первой...

Но чувствовал, что сам он уж, во всяком случае, не успеет этого добиться. Вот Гришка бы...

Такие думы гнули Петра Бородина к земле. По деревне он ковылял, уже тяжело опираясь на палку.

3

Лето с каждым днем разгоралось все жарче и жарче. Приближался сенокос.

– Так-с... Житуха, значит, продолжается. Опять надо прикидывать, в какой хомут шею пихать – в зеркаловский, лопатинский или этот новый, бородинский, – зло говорили мужики, собираясь вечерами у Андрея.

– Лучше уж к Лопатину. Новый хомут шею всегда сильнее трет.

– Вراки, значит, про революцию, что ли, а? Сколь недель прошло, а ничего не видно, не слышно.

Действительно, Локти словно кто отрезал от всего мира – ни один слух не просачивался сюда, ни одно слово не долетало.

Деревенские богатеи уж несколько раз просили Гордея «поприжать» Андрюху, запретить у него сборища гольтыбы.

– А не до того теперь, – отмахивался Зеркалов.

– Так ведь озвереют да начнут рвать...

– Они еще не знают, с какого боку рвать-то... До зимы, бог даст, вряд ли кто доберется сюда. А там, может, еще бог даст... и перевернется все в обратную сторону, по-старому.

Однажды Андрей поправлял в огороде изгородь. Прибивая жердину, услышал голос Дуняшки от крыльца:

– Андрей, тебя тут спрашивают.

– Сейчас, – откликнулся Андрей. Думая, что пришел Тихон или кто-нибудь из мужиков, продолжал возиться с жердиной. Потом не спеша пошел к дому, осторожно перешагивая через грядки. Пройдя несколько шагов, поднял голову, увидел человека, стоящего у дверей, и невольно остановился. И уж затем побежал, не разбирая дороги, топча морковные и огуречные грядки, ломая разлапистые, набравшие цвет подсолнухи.

– Федька?!

У дверей стоял Федор Семенов, посмеивался.

– Федька! – снова крикнул Андрей, схватил в охапку, приподнял с земли и будто никогда не собиравшись больше ставить его обратно. – Черт, Федька! Вот уж гость! Да ты ли это, а?!

– Ты отпусти... Да отпусти же, ради бога, – взмолился Семенов, упираясь ему кулаками в грудь. Андрей увидел на обеих кистях его рук какие-то вмятины.

– Это что у тебя с руками? Да как ты у нас оказался, а?

– Это от кандалов еще... Не отошло. А у вас...

– Ты что, с каторги? – невольно отступил от него Веселов.

– Не бойся, не беглый, – пошутил Семенов.

– Да когда же ты успел... на каторгу?

– Ну... Много ли время для этого надо? Как у вас тут жизнь-то?

– Да что, живем вот... Про революцию немного слышали... Ну и все. А что ж она и в самом деле... Черт, да что же я! Дуняша, давай там чего на стол...

Дуняшка, стоявшая поодаль и наблюдавшая за мужем и Семеновым, кинулась было в избу, но Андрей остановил:

– Стой! Сбегай сначала к Тихону, собери мужиков. А я сам тут... – И обернулся к Семенову: – Ну и заждался я тебя. Мужики с ножом ко мне подступают: что революция да как? Как, мол, жить дальше? Будто я больше их знаю...

Андрей бегал от стола, стоявшего под корявыми березами, в избу и обратно, расставлял стаканы, чашки, раскладывал ложки. Семенов опустился на скамеечку в тени от березы.

– Так. Значит, о революции в Локтях почти не слышали? – проговорил он и помолчал. – Что ж, мы в Совете так и предполагали.

– В каком Совете?

– В Совете рабочих и крестьянских депутатов. Газеты приходят сюда?

– Какие газеты! У нас тут и раньше-то их...

Семенов встал, бросил прут, который вертел в руках.

– Понимаешь, Андрей, бывшие царские чиновники, кулачье – словом, наши враги – всячески скрывают от народа известия о революционных событиях в стране, держат народ в неведении. Особенно в таких вот глухих селах, как ваше... Меня тоже ведь только полмесяца назад рабочие рудника освободили, когда наконец дошли туда вести о советской власти.

– Да как же ты к нам-то?

– Ну как знакомые места не навестить! – рассмеялся Семенов. – Вторая родина. На лодку – и поплыл через озеро.

– А коли в ветерок?! Ведь чуть не сутки плыть!

Во двор вошел Ракитин, следом за ним еще несколько человек. Скоро двор наполнился гулом. Почти все помнили Семенова, здоровались, иные шумно и радостно, некоторые мрачно, с опаской. Потом отходили в сторону, садились кто на вытащенную из дома табуретку, кто на ступеньки крыльца, на завалинку, многие – прямо на землю.

- Что ж, все собрались? – спросил Семенов. – Давайте поговорим тогда.
- Да ты поешь с дороги-то, – попросил Андрей. – Тем временем еще народ подойдет.
- Я не особенно голоден, Андрей. А опоздавшие сами поймут, что к чему, ты растолкуешь

потом.

Семенов взял от стола табурет, поставил его в самую гущу народа, сел.

– С чего начнем?

– А ты с самого начала...

– Я приехал к вам по постановлению уездного комитета партии большевиков, – проговорил Семенов. – Комитет по всем селам Сибири разослал сейчас своих представителей, чтобы разъяснить крестьянам сложившуюся обстановку, помочь им создать органы советской власти. Вот привез вам большевистские газеты, кое-какие листовки. Почитаете потом.

Семенов передал Веселову пачку бумаг. Тот принял их молча.

– Это что же за большаки такие? – послышался голос от крыльца.

– Большевики – это люди, которые борются за интересы простого народа, за ваши интересы, за то, чтобы лучше жилось рабочим и крестьянам. Большевики объединены в партию, которой руководит Ленин. Эта партия в феврале подняла рабочих Петербурга на свержение царизма. Произошла революция...

Несколько часов Семенов терпеливо и доходчиво разъяснял мужикам, что такое Временное правительство и Советы рабочих и крестьянских депутатов, почему образовалось такое двоевластие, какую политику проводят те и другие. Его рассказ то и дело прерывался возбужденными возгласами. А когда Семенов заговорил о том, что во многих уездах и селлах местные Советы производят конфискацию кулацких земель и передачу ее в бесплатное пользование крестьянам, все повскакали с мест, зашумели враз, заволновались.

– Черт! Выходит, правильно мы хотели насчет Зеркалова?

– Как же это, Андрей, а?

– Он, Зеркалов-то, в морду сам законом ткнул: дескать, не отменял их никто...

– Следующей весной не ткнет уж...

– Ты скажи, Федор, что нам делать теперь?

Семенов еле успокоил расхोлившихся мужиков. Когда все сели по своим местам, продолжал:

– Я думаю, надо установить вам в Локтях свою власть – Совет крестьянских депутатов.

Тогда сами будете решать все свои дела.

– И законы сами... того, устанавливать?

– И законы, – улыбнулся Семенов.

Снова зашумели мужики, замахали руками.

– Тогда что же – давайте этот самый Совет...

– Андрюха, смещай старосту...

– Первый закон – насчет земель зеркаловских...

– Так он и отдаст их! Драться полезет. Вон все богачи кучкой, как волчий табун...

– Мы тоже вместе будем! Нас больше, поди...

– Что делать, Федор, если богачи не отдадут добровольно землю?

На этот раз, чтобы успокоить мужиков, пришлось вмешаться Андрею. Он встал и замахал руками. Сразу все стихли. Семенов с удовлетворением отметил это.

– Что делать? – переспросил Семенов. – Видите ли, товарищи, действовать нужно всегда смотря по обстановке. Конечно, Зеркалов вам так просто свои земли не отдаст. Но если вся сила будет на вашей стороне, если большинство жителей Локтей будет за советскую власть, – что Зеркалов сделает? Зарычит, конечно, но укусить не посмеет. А почувствует, что сильнее вас, – тогда уж вцепится в горло, чтобы разом задушить...

Семенов обвел всех взглядом и продолжал:

– Я рассказал вам, какое положение сейчас в стране. Революция не кончилась, она продолжается. Проще сказать так: победит Временное правительство – значит, все останется по-старому, по-прежнему у вас в Локтях будут хозяйничать Зеркалов с Лопатиным. Победят Советы – земли будут ваши, Зеркаловым придется убраться с них. Вот и думайте, кого поддерживать вам, за кем...

– Да что тут думать тогда?

– Мы же сказали – Совет нам свой надо... – раздались голоса.

Семенов кивнул и закончил свою мысль:

– ...за кем идти. Если все так, как вы, будут поддерживать советскую власть, то Временному правительству придет конец. Этому правительству править будет некем... А с ним и конец Зеркаловым.

– Да это еще когда придет! Может, сегодня же отобрать у них посевы? Чего смотреть на них, а, Федор?

Семенов подошел к нетерпеливому мужику, положил руку ему на плечо.

– А если Зеркалов огрызнется да зубами за глотку? Разбежитесь ведь все?

– Мы-то? Да я... мы то есть... – вращал глазами мужичонка, пятясь назад.

– Не время сейчас, товарищи, особенно у вас в деревне, так с кулаками расправляться. Они еще сильны, сомнут вас. Организоваться вам надо пока, окрепнуть. Совет должен следить за тем, чтобы кулачье не драло, как прежде, семь шкур с мужиков, чтобы наемным рабочим платили за труд сполна. А там сами увидите, что делать...

Почти до вечера толковал Федор Семенов с мужиками, отвечая на самые различные вопросы, порой серьезные, порой наивные. Весь двор был заплеван семечками, закидан окурками.

Когда стало темнеть, мужики разошлись, потребовав собрать завтра собрание села и решить там насчет Совета.

Дуняшка стала подметать двор, а Семен сказал Андрею:

– Ну а теперь корми, Андрюшка. Умираю с голоду.

После ужина Семенов сразу же попросил устроить ему где-нибудь ночлег.

– Почти трое суток не спал, – виновато проговорил он, и тут только Андрей увидел, что глаза Семенова слипаются.

– Чего где-нибудь... Давай в избу, ложись на нашу кровать.

– Да нет, лучше бы где в другом месте. Черт его знает, как кулачье у вас... И вам с Дуняшкой не надо бы сегодня дома ночевать.

Едва разлилась темнота, Андрей взял тулуп, одеяло, две подушки и повел Семенова в огород. Там, в самом конце, где на оставшемся невоскопанном кусочке буйно разросся дикий конопляник, Андрей разостлал шубу, положил подушки. Дуняшку он отправил на ночь к Ракитиным.

Семенов снял сапоги, пиджак, вынул из кармана наган, осмотрел его и сунул под подушку. Перехватив взгляд Андрея, сказал:

– Всяко случается, Андрюша... За последнюю неделю семеро наших ребят в деревнях погибло. И все ночью, днем пока не решаются...

– Пока? Значит, скоро и днем будут?

– А ты как думал? Борьба только разгорается, Андрюша. А как начнем прижимать кулачье – ощерятся... Оружие у вас есть у кого?

– Да так, кое у кого из фронтовиков.

– Доставать надо потихоньку. Я помогу тебе в этом.

Они легли, укрывшись одним одеялом. Черная тихая ночь плыла над деревней. Иногда прилетал откуда-то слабый-слабый ветерок. Тогда жесткие листья конопляника несмело и сонно шуршали, нагоняя дрему на самих себя.

Семенов закрыл глаза, с удовольствием вдыхая густой, чуть горьковатый запах конопли, который, как дурман, заволакивал сознание, бросал тело в какую-то пустоту. Но неожиданно уловил, что пахнет еще чем-то. Потом различил, что сквозь плотный маслянистый конопляный застой пробивается холодноватый запах мяты, и сказал об этом Андрею.

– А речка тут рядом. За изгородиной.

– Ага, – сказал Семенов, совсем засыпая. Но, подумав, что Андрей обидится, если он уснет так скоро, промолвил через силу: – Ну как ты после того, как тебя... После госпиталя сразу домой или снова на фронт?

– На фронте не был больше. А по госпиталям снова всласть поскитался.

Усмехнувшись, Андрей прибавил:

– По многим городам проехал. Все думал: не найду ли ту страну, о которой рассказывал ты когда-то...

– Какую страну?

– Забыл, что ли? Там нет богачей мироедов. Там все пахнут и сеют сообща... А я вот помню все время твой рассказ.

Семенов приподнялся и сел. Спать ему уже не хотелось.

– И не нашел? – спросил он негромко.

– Нет. На фронте спросить тебя хотел – где же эта страна. Да не успел... – Андрей тоже приподнялся. – Знал, что это – сказка. А вот верил, искал...

– Это не сказка, – помедлив, ответил Семенов. – Это уже было. За такую страну вот и деремся сейчас, кровь проливаем, головы кладем. – Семенов потер кисти своих рук, добавил: – За нее и на каторгу шли, Андрюша.

Веселов смотрел на Семенова молча. Только что взошедшая луна отражалась у него в глазах двумя маленькими звездочками.

Потом Андрей лег и также молча стал смотреть в небо, подложив руки под голову. Молчал и Семенов.

Через несколько минут Андрей сказал одно только слово:

– Так...

Семенов понял состояние Андрея, тот смысл, который он вкладывал в это слово, проговорил:

– И долго еще драться будем. Жестоко. Но победим.

Еще немного помолчав, Андрей глубоко и шумно вздохнул и, точно оставив там, за этим вздохом, свои сомнения, неуверенность, спросил:

– Выходит, неслучайно ты у нас снова оказался?

– Не случайно. Нас, бывших ссыльных и каторжан, партия направила для революционной работы сюда, в Сибирь, так как мы лучше знаем здешние условия. Я теперь частенько буду к вам наведываться.

Семенов взбил подушку, собираясь ложиться.

– Завтра проведем собрание, а вечером поеду дальше. На обратном пути заеду еще к вам.

– Федя, – сказал Андрей, когда Семенов снова лег. – Я знаю, ты спать хочешь. Но... расскажи мне поподробнее... о партии этой самой... А?

В голосе Андрея прозвучало волнение. Уловив это, Семенов сам почему-то разволновался, отбросил одеяло. Нашупал в темноте руку Веселова.

– Слушай, Андрюша. Слушай, друг мой, – проговорил Семенов прерывающимся голосом.

Коротки летние ночи. А эта была, казалось, совсем короткой. Вроде только минуту назад Семенов стал рассказывать Андрею о партии большевиков, а уж засинел восток. Но Андрей

не в силах был прервать рассказ, слушал и слушал, не перебивая, не задавая вопросов, почти не дыша...

* * *

На другой день в Локтях состоялось собрание жителей села.

Высказывались преимущественно те, кто был вчера во дворе Андрея.

Под конец образовали сельский Совет, куда вошли Веселов, Ракитин и еще несколько человек.

Зеркалов, Лопатин, Петр Бородин на собрание не пошли. Когда один из зажиточных мужиков прибежал к Гордею и сообщил о результатах, тот только сплюнул на жирный крашенный пол:

– Теперь везде митингуют. Глотку им не заткнешь.

– Так ведь организовали...

– Чего? – рявкнул Гордей.

– Этот... Совет.

– Плевал я на Совет. Подчиняйся, коль хочешь. Ну, чего глазами хлопаешь? Проваливай...

После собрания почти все перешли во двор Веселовых. Плохо выпавшийся Семенов опять отвечал на вопросы мужиков, объяснял, убеждал, советовал...

Григорий Бородин все эти дни отлеживался в самый зной в нижних, прохладных комнатах. На улицу он не выходил уже несколько дней, поэтому не знал, что происходит в селе. Правда, вчера, когда вечером пошел купаться на озеро, Степан Алабугин, убирая коня, сообщил ему о приезде какого-то человека. Но он не обратил внимания на слова работника, тупо подумав: «С фронта кого-то еще черт принес. Может, Павла Туманова...»

Сегодня же, когда спал зной, Григорий отправился бесцельно бродить по улицам. Навстречу ему изредка попадались люди. Отойдя, оглядывались, и Григорий, угрюмо шагая дальше, чувствовал на спине их взгляды.

Проходя мимо Веселовых, Григорий заметил между деревенских мужиков, сидящих возле дома, Федора Семенова. Бывший ссыльный студент, поблескивая из-под мохнатых бровей глазами, толковал мужикам о Временном правительстве, о войне, о каких-то Советах. «Ишь гусь какой объявился... А я думал, с фронта кто... Глазищи так и бегают...» – подумал было Григорий. Но в это время из сеней появилась Дуняшка и стала разносить чай – кому в стакане, кому в глиняной кружке. Едва Григорий взглянул на нее, улыбающуюся, сильную и гибкую, как по сердцу его кто-то опять чиркнул бритвой. Боль от прежних ран и без того не затихала, а тут как бы появилась еще одна, совсем свежая. И не было уже Григорию дела ни до Семенова, ни до его речей...

Встретиться с ним Григорию пришлось в тот же день. До вечера он просидел на берегу озера, а когда стемнело, неведомая сила снова потянула его к дому Веселовых. В пустынном переулке он столкнулся с бывшим ссыльным. Оба невольно остановились. Григорий заметил, как Семенов не торопясь положил в карман правую руку. Прямо в лицо ему светила луна. Но глаз Семенова Григорий не видел – их закрывала тень, падающая на лицо от огромных бровей. Однако Григорий все равно чувствовал, что глаза Семенова цепко впились в него, стерегут его малейшее движение.

– Че... чего ты? – вымолвил наконец Григорий, чувствуя, как мороз ползет по коже.

– Проходи... Вот по этой стороне, – сказал Семенов. Голос его был глуховат, словно простужен...

Григорий постоял еще немного, повернулся и зашагал обратно. Идет ли за ним Семенов, Григорий не знал, шагов его позади не слышал. Но обернуться почему-то боялся.

* * *

Работников на время сенокоса Бородины так и не могли найти. Когда Петр Бородин пытался было завести с мужиками речь об этом, они заломили такую поденную плату, что старик невольно присел, да только и выговорил:

– У-у... Крест-то носите ли? Или побросали уж?

– Невыгодно – коси сам, – посоветовал Тихон Ракитин Бородину, спокойно досасывая толстую самокрутку. – Демьян Сухов вон сам с бабами своими на луг выехал.

– Вон вы какие стали... – крикнул в сердцах Петр Бородин. – Да ведь жрать-то надо вам!

– Ничего... Ты не дашь столько – Лопатин даст, – так же спокойно ответил Ракитин за всех.

И Григорий, слышавший разговор отца с мужиками, понял, что все дело тут в Веселове, который молча, не вмешиваясь, стоял позади других, посматривал на отца. А может, даже не в Веселове, а в Федьке-ссылном, который недавно был в Локтях.

Лопатин действительно дал столько, сколько с него запросили. Узнав об этом, Степан Алабугин, работник Бородиных, потребовал расчет и тоже ушел на лопатинские луга. Бородиным пришлось косить самим.

Бородинские покосы примыкали к лопатинским. Там дело шло веселее. Григорий с отцом не выкосили и третьей части, а на соседнем лугу запестрели уже бабьи платки. Жены помогали мужьям сгрести накошенное.

Среди женщин Григорий давно заметил Дуняшку. И однажды, уже вечером, когда они с отцом собирались уезжать домой, услышал, как Андрей сказал жене.

– Ты, Дуняша, иди вперед, приготовь там чего поужинать. А я следом, только на речку обмыться сбегая.

Григорий сел на телегу, и они с отцом поехали. У поскотины он передал вожжи отцу и соскочил на землю.

– Ты езжай, батя, а я... пройдуся, подышу холодком, – сказал он.

Отец молча принял вожжи и поехал дальше. А Григорий пошел по тропинке вдоль поскотины, сшибая кнутом, который забыл отдать отцу, головки белых ромашек. Но, отойдя шагов сорок, сел на землю за кустами.

Здесь, по этой тропинке, должна возвращаться домой Дуняшка.

Вечер был теплый и тихий; серый сумрак, сгущаясь, проглатывал пространство, но темнота ползла по земле, а вверху, над головой Григория, разливался еще голубоватый, успокаивающий свет.

Скоро Григорий услышал женские голоса, смех и вдруг с тревогой подумал, что Андрей, может быть, уже выкупался и теперь идет вместе с женой. Поднявшись с земли, Григорий отошел на всякий случай в кусты.

Дуняшка, подойдя к поскотине, попрощалась с женщинами и свернула в сторону своего дома. Григорий вышел ей навстречу из кустов, произнес тихо:

– Здравствуй...

– Ой, кто это? – вздрогнула Дуняшка, останавливаясь.

– Свои...

Видя, что Дуняшка пятится и вот-вот бросится назад догонять женщин, он поспешно добавил:

– Ты не бойся, я... так, по-хорошему.

Подойдя к ней поближе, Григорий ударил черенком кнута по сапогу, спросил:

– Ну, как живешь?

– Ничего, хорошо живу...

– Какой там... Посуды даже нет. Я видел: чай из глиняных кружек пьете...

Дуняшка стояла перед ним прямая, стройная, пахнущая солнцем, сухим душистым сеном и еще чем-то таким, от чего пьянел Григорий и готов был снова упасть к ее ногам, плакать, просить, умолять, чтобы она шла сейчас с ним, в его дом, или наступила бы ему на горло ногой и стояла так, пока он не задохнется.

– Чего тебе надо-то? – недоумевающе проговорила Дуняшка, снова оглянувшись беспокойно назад.

– Да мне ничего, – промолвил Григорий.

– Пусти тогда...

Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти Григория. Но он схватил ее за руку у плеча и зашептал:

– Ты пойми, Дуняшка... Я – я знаю, ты не можешь... сейчас. Но если что случится... через год ли... когда ли... ты приходи... возьму тебя... Завсегда возьму...

Он шептал ей в самое ухо, она уклонялась, пытаясь одновременно вырвать руку. Не помня себя, Григорий вдруг обнял ее – впервые в жизни обнял Дуняшку – и, чувствуя, как она, горячая и сильная, бьется в его руках, тихо засмеялся, приподнял с земли и так стоял несколько мгновений.

– Пусти, дьявол!.. – хрипло закричала Дуняшка, упираясь ему в грудь руками, откидывая назад голову, с которой упал на плечи мягкий ситцевый платок. – Да пусти же! Андрей!!

И в самом деле где-то близко послышался глухой топот ног. Кто-то бежал к ним по тропинке. Но Григорий не мог сейчас ни о чем думать. Поставив Дуняшку на землю, он правой рукой пригнул к себе ее голову и поцеловал в мягкие, теплые губы.

– Ах ты, сволочь!.. – раздался совсем рядом голос Андрея. Григорий повернул голову на крик и увидел в полутьме, как Веселов бежит к ним вдоль изгороди. Потом хрястнула под сапогом Андрея поскотина, и в руках Веселова оказался кол. Но и это не заставило бы, пожалуй, Григория выпустить из рук Дуняшку, если бы она не вывернулась все-таки сама.

– Ах ты... гнида! – И Андрей, подбежав, – гхы-к – изо всей силы опустил кол ему на голову.

И убил бы! Да тухлявый оказался обломок поскотины. Изъеденный червями, разлетелся он в щепы. Только тогда опомнился Бородин.

– Андрюха!! Убью!! – задохнулся он и, нагнув, как бык, голову, грузно пошел на Веселова. Свистнул в воздухе кнут, обвился вокруг руки Андрея. Он дернул к себе кнут с такой силой, что Григорий застонал: вывихнул, видно, руку.

– Мразь ты этакая... – тяжело хрипел Андрей, наступая на Бородина, полосуюя его кнутом. Григорий, закрыв голову руками, пятился назад. Потом повернулся и побежал прочь, низко нагибаясь к земле.

Бежал не оглядываясь, рывками, как заяц по глубокому снегу.

4

На другой день пьяный Григорий ходил по деревне с новой плетью в руках, плевался и грозил отомстить Андрею Веселову, хлестал направо и налево женщин и девок, если они не успевали свернуть с его пути.

Как-то Григорий очутился возле поповского дома. Отец Афанасий, направившийся было в церковь, остановился и заговорил с Григорием:

– Не к нам ли идешь?

– Пошел к черту, – коротко отрезал Григорий.

Поп не обиделся, схватил Григория за руку, зашептал:

– Бабка-то ваша – мастерица... Ты зайди к Маврушке – поправляется она...

– Ты что меня уговариваешь... волосатый дьявол? – угрожающе спросил Григорий.

– Так ведь мы условились с твоим батюшкой, что...

– Ну?..

– Что возьмешь ты Маврушку... И она согласилась за тебя.

– Вон что! А за батю она не согласная? – нахально спросил Григорий.

Поп только замахал руками.

– А что? – продолжал Григорий. – Раз с ним условились, за него и выдавай. Батя – он возьмет ее. Он ведь вдовец...

Не в силах больше вынести издевательства, поп махнул широким рукавом рясы и ударил Григория мягкой ладонью по лицу.

– Подлый ты совратитель!.. Сатанинская морда! Задушу, нечестивец...

Григорий с минуту смотрел, как поп неуклюже прыгает вокруг него, потом не спеша протянул руку, схватил отца Афанасия за рясу и бросил в сторону. Когда поп упал, Григорий принялся молча хлестать его плетью, стараясь попасть в голову. Поп закрывал ее руками и только повизгивал.

Стал сбегаться народ.

– Господи! Батюшку ведь он... Батюшку!!

– Ну да, попа лупит, – спокойно подтвердил Авдей Калугин, раньше других подбежавший к Григорию и попу.

Однако стоял, не вмешиваясь. Наконец подскочивший Игнат Исаев молча огрел Григория выдернутой из плетня палкой.

Григорий обернулся, но ничего не сказал. Дернув рыжеватыми, редкими пока еще усиками, он сплюнул и, пошатываясь, пошел своей дорогой.

Когда Петр Бородин узнал, что сделал Григорий с попом, схватился руками за свою маленькую голову, застонал и осел на лавку.

– Ну вот, ну вот! Берег тебя от солдатчины, а ты в тюрьму напросился... Ведь закуют тебя за попишку...

– Не каркай, батя... Мне все одно теперь... Только вот успеть бы еще одному человеку башку свернуть...

– Андрюшке, что ль? Как бы тебе наперед головешку не оторвали...

– Но, но!.. – Григорий, опухший от самогона, растрепанный, быстро, испуганно повернул к отцу почерневшее лицо. – Ты о чем это?

– Девоч-то зачем хлещешь плетью? Ведь озлил всех, на тебя глядят, как на собаку бешеную. Приступнут как-нибудь – и не знаешь кто...

Не зря предостерегал отец Григория. Через несколько дней в глухом переулке ему накинули на голову мешок и избили до потери сознания.

Очнулся Григорий от холода. Открыл с трудом глаза и увидел над собой лоснящееся при лунном свете лицо Терентия Зеркалова.

– Били? – коротко спросил Зеркалов.

Григорий не ответил.

– Так, – промолвил утвердительно Зеркалов. – А кто, не припомнишь? – И опять, не дождавшись ответа, продолжал: – А я иду, смотрю – лежишь... Думаю, били Гришку. Не то совсем убили!..

С Терентием Зеркаловым Григорий после того, как староста отобрал у них двух лошадей, не встречался. И теперь, рассматривая наклонившееся к нему лоснящееся лицо, думал: «Может, ты и бил, сукин сын».

Но тотчас вспомнил недавний разговор с отцом и решил: «Нет, не он, с какой бы стати...» Попытался приподнять с земли голову, но тут же вскрикнул от жгучей боли во всем теле.

– Вон как... они меня. Ну ладно, ну ладно... – тяжело, со свистом втягивая в себя воздух, простонал Григорий.

– Да, они тебя хорошо отделали, – согласился Зеркалов. – Ну, давай руку...

Не обращая внимания на стоны Григория, Терентий взвалил его на плечи и понес.

– Вот, получай своего ненаглядного сынка, – сказал он Петру Бородину, выскочившему на шум из дома. – Если к утру не отдаст богу душу, то отойдет. Тогда из благодарности поставит мне бутылочку...

Григорий проболев до конца октября. Наконец понемногу начал вставать. Часто, завернувшись в одеяло, садился у окна и подолгу смотрел на пустынную гладь озера. Отец тоже молчал, по комнатам ходил осторожно, боясь скрипнуть половицей. Бабку-стряпуху и раньше не было слышно, а теперь она и совсем притихла на кухне, даже не гремела посудой. В доме будто никого и не было.

Днем еще доносились с улицы кое-какие звуки, а ночью все мертвело.

И казалось Григорию, что на всем свете нет ни одного живого существа. Иногда только слышал Григорий, как шептала в кухне свои молитвы старуха и сдержанно вздыхала.

– Покойник, что ли, в доме? – спросил Григорий отца.

– Вроде того, – отозвался угрюмо отец. – Весь мир, должно, помирает...

Григорий не понял отца, но переспрашивать не стал. По ночам опять слушал бабкины вздохи и думал о том, что отец стар, скоро помрет, и он, Григорий, останется один на всем белом свете. Ему ведь надо жить, а как жить? Чем?

И вдруг Григорий с ужасом подумал, что жить ему будет нечем. Ведь отец... отец человека загубил, чтобы «выйти в люди», поставить крепкое хозяйство да зажить припеваючи. Даже мать... не пожалел. Мать умирала, а им с отцом было не до нее. Старались быстрее засеять купленную землю. И вот... вот теперь опять ничего нет у них. Лавка сгорела... Двух коней – да каких! – увел Зеркалов. Но если бы только коней! Сколько отец передавал ему золота? Кабы не это, еще бы можно было подняться... И Дуняшка... Помыкала бы горе с Андреем, да и... Уж он, Григорий, сумел бы отобрать ее.

Оживали в памяти события за поскотиной, душила ненависть к Андрею Веселову. «Ну, погоди, погоди, я встану!.. – шептал он, не разжимая зубов. – Расплачусь с тобой, уж сумею как-нибудь, дождусь своего часа, дождусь...»

А потом опять принимался думать о хозяйстве, о своем будущем. Да, все разваливается, правильно отец сказал: скоро засверкаешь голым задом. Неужели ничего нельзя теперь поправить? Посевы вон неплохие. По-хорошему-то убрать давно надо было. Осталась лошадь, есть веялка. Есть плуги, бороны... Дом вон какой, с завозней. Сена накосили и на корову и на лошадь... Да ведь черт! Есть еще кое-что, и если взяться – все наверстать можно... Работник вот ушел – жалко...

А старуха в кухне все вздыхала, шептала молитвы, мешала Григорию думать. Он морщился, как от зубной боли, и ворочался с боку на бок. «Зачем отец держит старую каргу! Ведь говорил ему: взял бы помоложе кого – толку больше...»

Худой и желтый, Григорий ходил по комнатам, по двору, заложив в карманы огромные руки, заглядывая во все закоулки, точно проверяя, что еще осталось от их хозяйства.

– Как там поп? – спросил однажды у отца будто невзначай, останавливаясь посреди двора.

– Ага... – протянул отец, встряхивая головой, и в голосе его прозвучали почему-то злобные нотки. – Ага, вспомнил, значит?

– Пьяный я был ведь, батя, – покорно проговорил Григорий. – Он что, пожаловался?

– Уж должно быть... Жди гостей, сынок...

– А чего ты радуешься? – буркнул Григорий. – Ну, засудят... А как ты с хозяйством один?

– Э-э... где оно, хозяйство-то? – Старик оглянулся кругом. – Было, да сплыло... Ты хвораешь, урожай мне одному не под силу убрать, осыпается ведь, а работников теперь нанять – золотую рыбку из озера вытащить... Того и гляди белые мухи полетят. Пропали мы...

– Ничего... Выправимся, батя. Завтра убирать начну. Только... сходил бы ты к попу, а? Согласен, мол, Гришка жениться... Может, отойдет поп... а?

– А дальше? – сощурил глаза старик.

– Ну, там видно будет... Ты сам говорил: обещать – еще не дать.

– Тьфу, – плюнул со злостью старик и растер плевков сапогом. – А ты не крути, женись – да все тут. Тогда я пойду, может...

Григорий молчал.

– Да ведь, сынок, чего тебе? – подступил к Григорию отец, хватая его за пиджак. – У попа водятся деньжонки, потрясем его. Время, правда... беспокойное. Да, может, уляжется все. Я ли тебе зла желаю? Женись, сынок...

– Ладно, сказал же – там видно будет... – неопределенно ответил Григорий и пошел в дом, но обернулся и промолвил: – И вообще, батя, рано опускать руки. Мы еще встанем. И возьмем свое. Про рыбокопильню не забыл? Я помню. Погоди, всему свое время. Так что сходи к попу. И Анну Туманову встретишь – позови. Не потому что... а так... работы вон сколь в доме!..

В тот же день Петр Бородин сходил к попу Афанасию.

– Ну что? – спросил Григорий, когда отец вернулся. – Уговорил?

Старик бросил в угол костыль, вместо ответа громко выругался.

– Что? Не уговорил? Или... успел жалобу настрочить? – не на шутку испугался Григорий.

– Куда ему жаловаться-то? Опоздал он, вот что... Там, – махнул старик за окно, где плескалось озеро, – там, в городе, говорят, такое творится – все вверх дном стало!

Григорий, пытаясь сообразить, в чем дело, опустился на стул, уперся руками в колени, стал смотреть себе под ноги, покачивая головой.

– Ну ладно. Может, еще... – неуверенно проговорил наконец Григорий. – Нам-то все равно... Что терять осталось?

– Что терять? – переспросил старик. – Теперь уж видно что... Опоздали и мы, однако, сынок, со своим хозяйством, как поп с жалобой. А поп не наврал. Лопатин вон грузит добришко да в лес подводу за подводой... Чует, подлец, какой ветер дует... Такие дела! Э-э... – Старик махнул рукой и поплелся в кухню.

Вечером к Бородиным завернул Терентий Зеркалов. Тряхнув по привычке косматой головой, проговорил:

– Ну, отошел, стало быть? Я и то думаю – пора. Полагаю, бутылка самогонки за тобой...

– Садись, – кивнул Григорий на стол и ногой пододвинул табуретку.

Старик сам принес бутылку крепкого первача, поставил перед Зеркаловым, спросил:

– Что отец-то говорит?

– Всякое. Выпьет – матерится, а трезвый – молчит больше.

– Ну, не прикидывайся дурачком. Пей давай.

Зеркалов сам налил себе в стакан, потом хотел налить Григорию, но тот закрыл стакан ладонью.

– Что так? – спросил Зеркалов, не выказывая особого удивления.

– Слаб еще после... после болезни, – ответил Григорий.

– Ага. Ну, поправляйся, набирайся сил.

Опьянел Терентий быстро, после первого же стакана. Встряхивая головой сильнее обычного, спросил Григория:

– Слышал, Маврушка-то? Пришла в себя... Теперь бы самое время опять под окном у нее посвистеть, да... некому. Уехали...

– Как уехали?! – даже привстал со стула Петр Бородин. – Когда, куда? Я ведь сегодня только у них был!

– Куда – не знаю. А когда – могу сказать. Только что сундуки сложили на подводу – и Митькой звали. Попик, брат, не промах, раздумывать не любит. Чемоданчики заранее приготовил.

– Врешь? – задохнулся Петр Бородин.

Зеркалов усмехнулся, посоветовал:

– Сбегай к их дому, посмотри, коль не веришь. Остались мы без попа.

– Значит... что же это делается на земле? Он ведь говорил мне, что в городе... того, началось. А я еще – верить, не верить... Значит, пропадем? А?

– Ну-у! Зачем так скоро? Мы еще посмотрим... – Терентий замолчал, глянул вначале на неподвижно сидящего Григория, потом на его отца и проговорил: – Ты, папаша, вот что... Поди-ка отсюда, мы поговорим с Гришухой... по одному делу.

– Так ведь что же... – начал было старик, но Зеркалов встал, взял Петра Бородина за плечи. Старик, не сопротивляясь, поднялся и вышел.

Возвратясь к столу, Зеркалов опять налил из бутылки себе и Григорию, прошептал:

– Я тебе вот что хочу сказать... Тебя знаешь кто разделал в переулке?

– Ну? – приподнял голову Григорий.

– Андрюха Веселов.

Григорий резко повернулся к Зеркалову, и тот сразу замолчал.

– Ну, говори, – задыхаясь, попросил Григорий.

– Что говорить? Я подбежал на шум – Андрюшка с компанией трудятся вокруг тебя. Тогда я... вот так...

Терентий сунул руку за пазуху – и в руке у него холодно блеснуло лезвие ножа. Григорий впился в него сузившимися глазами, и тонкие ноздри его стали едва заметно подрагивать.

– Это, знаешь, штука! – проговорил Зеркалов, играя ножом. – Они и сыпанули от тебя, как горох... Вот что, брат... А то бы замолотили.

Зеркалов еще повертел в руках нож и хотел спрятать, но Григорий схватил Терентия за руку:

– Дай сюда!..

– На... – тотчас проговорил Зеркалов и наклонился к самому уху: – Это ты правильно. Только верни потом.

Через несколько минут они вышли на пустынную улицу.

На небе не было ни луны, ни звезд. Огней в домах люди почему-то тоже не зажигали. Казалось, деревня притаилась на берегу огромного озера в ожидании чего-то необычного. Над крышами кое-где маячили темные пятна тополей. Время от времени в ветвях деревьев возились спросонья неуклюжие, отъевшиеся за лето галки, но быстро затихали. И опять устанавливалось над деревней полнейшее безмолвие.

Григорий, чуть нагнув голову, широко и твердо шагнул по улице в ту сторону, где жил Андрей Веселов. Терентий семенил рядом, забегая то с правой, то с левой стороны.

– Ты только, Гришуха, не теряй времени... Выйдет Андрей, ты р-раз – и маху в лес, – шептал он то в одно, то в другое ухо. – Тебе это потом зачтется... в заслугу. Ты уж поверь – зачтется, раз я говорю.

– Отстань, – сквозь зубы цедил Григорий, почти не слушая его.

Но Зеркалов не унимался:

– Главное – чтобы без шума... и быстрее. А то – Ракитин напротив живет. Понял?

– Понял. Отстань ты...

– Э-э, ничего ты не понял! – досадливо воскликнул Зеркалов. Но когда Григорий очутился перед домом Веселова, Терентий куда-то исчез.

Несколько секунд передохнув, Григорий нагнулся и вытащил из-за голенища сапога нож... Потом грохнул ногой в дверь:

– Вылазь!.. Должок пришел отдать...

Но за дверью было тихо. Григорий, еще помедлив немного, нажал на нее плечом. И в ту же секунду кто-то схватил его за шиворот и отбросил прочь.

Не поняв толком, что случилось, Григорий тотчас вскочил на ноги, сжимая рукоятку ножа.

– Ты вот что... Поворачивай отсюда, понятно? – услышал он слева от себя голос Тихона Ракитина и, вздрогнув, резко обернулся. Ракитин стоял у палисадника в тени деревьев.

– Ты!.. Чего мешаешься? – крикнул Григорий, подскакивая к Ракитину. Но в то же время скрипнула дверь, и Григорий невольно обернулся на звук. В дверях, закутанная в большой платок, стояла Дуняшка.

Потом она не спеша спустилась с низенького крылечка и подошла к Григорию, придерживая рукой сползающий с плеч платок. На Григория пахнуло теплом молодого, свежего, разогретого сном женского тела, и у него закружилась вдруг голова, мелко задрожали ноги, отказываясь сдвинуться с места.

– Дай мне ножик, – спокойно потребовала Дуняшка и протянула руку.

Григорий покорно отдал ей нож и стал оглядываться по сторонам, точно недоумевая, как здесь оказался.

Дуняшка, пряча нож под шаль, сказала негромко и властно:

– Уходи отсюда сейчас же...

Григорий поднял глаза на Ракитина, точно спрашивая: «Уходить или нет?» – повернулся и, сгорбившись, зашагал обратно, так и не вымолвив больше ни слова.

Едва отошел на несколько шагов от дома Веселова, как откуда-то из темноты вынырнул Терентий Зеркалов, рванул его за плечо:

– Ты-ы... слюняй!.. Надо бы хоть Ракитина... И тем же поворотом – в избу. Застал бы Андрюху в одних подштанниках. А ты... раскис перед бабой...

Григорий остановился, прохрипел:

– Ничего... ничего. Я еще отомщу... Он еще от меня... – И пошел дальше, нагнув голову.

Глава четвертая

1

Хлеб Бородины все-таки успели убрать и составить в суслоны до снегов. Вечером, лежа в постели, Григорий чувствовал, как дрожат от перенапряжения ноги.

Едва закончили уборку, повалил снег. Потом, как обычно, до самого нового года дули северные ветры, заметая дороги, леса, деревушки.

Слушая вой ветра за стеной, Григорий все время думал почему-то о том, как хлестал его плетью Андрей, как бежал он от него, низко пригибаясь к земле. И в который уж раз у него в мозгу билось одно и то же: «Ну, погоди, погоди...»

Много смысла вкладывал Григорий в это «погоди». Звучала в нем не просто ненависть к Андрею. Не-ет, убить Веселова, просто прийти к нему и зарезать, как советовал Терентий Зеркалов, – этого мало. И хорошо... что вышла тогда Дуняшка, а не сам Андрей. Надо его живого втоптать в грязь, смешать с землей, отобрать Дуняшку, увести ее к себе в дом на его глазах. И надо сделать так, чтобы жизнь или смерть Андрея зависела от его, Григория, желания...

И сделать это можно. Нужно только время. Надо поднимать хозяйство, стать в десять, в сто раз богаче Лопатина и Зеркалова, вместе взятых. Ведь богатство – власть, сила... Ну, погоди, погоди...

Это желание разбогатеть, возвыситься над людьми появилось у Григория давно. Но сначала оно маячило далеко и смутно. А после того дня, когда стоял он на коленях перед Дуняшкой, мысли о богатстве овладели им без остатка. И, как ни странно, они разгорались тем сильнее, чем больше доходило вестей о грозных революционных событиях в городе.

Казалось Григорию, эти вести словно птицы приносили теперь на хвостах из-за озера. И чуть что – сразу собрание в Локтях, митинг, на стол залазит Андрюха и начинает высказываться. Мужики смотрят ему в рот, ловят каждое слово, окружают плотным кольцом. Так потом и провожают до дому словно на руках несут. «Даже ночью охраняют, сволочи», – думал Григорий, вспоминая свою неудачную попытку отомстить Веселову.

Несколько раз Григорий видел в деревне Федора Семенова. Бородин почему-то боялся его и каждый раз спешил свернуть в сторону, думал раздраженно: «А Гордей Зеркалов чего смотрит? Взял бы да и стукнул его промеж бровей-то...»

А потом дома размышлял, тяжело ворочаясь с боку на бок: «Стукнешь, пожалуй... Мужичье тогда в клочья разорвет. Когда-то были тише воды, ниже травы, а теперь власть свою организовали, вместо старосты Андрея выбрали. Может, у каждого обрез в рукаве».

И с каждым днем Григорий теперь все острее и отчетливее понимал: сколько зря, совсем зря потеряно времени и возможностей! И в иные минуты подкрадывалось откуда-то: а не опоздал ли он в самом деле? Невольно поднимался тогда по всему телу легкий озноб, подкатывал к сердцу липкий, неведомый доселе страх, веяло на него сырым холодом, будто стоял он на краю глубокой темной ямы и заглядывал вниз. Среди ночи часто просыпался, смотрел в темноту широко открытыми глазами и никак не мог понять: то ли в самом деле приснилось, что стоит на краю могилы, то ли подумал об этом только сейчас, проснувшись.

И все-таки теплилась в груди малюсенькая, но цепкая надежда, что если даже и на самом деле произошла где-то эта самая революция, то заброшенных в глухомани Локтей она не коснется, пройдет стороной. Помитингуют мужики, поиграют в свою власть, позабавляются в Советы, как котята с клубком ниток, да все и останется здесь по-прежнему. Жрать-то Совет не даст, на жратву заработать надо, а работа у кого?

Но и эта малюсенькая надежда исчезла: как-то утром, выглянув в окно, Григорий увидел: над лопатинским домом развевался красный флаг.

Сузив глаза, Григорий долго молча стоял у окна. Сначала только сердце стучало: «Опоздал, опоздал...» Потом ему почудилось, что он, Григорий, качается в теплой мыльной воде и вдруг неосторожным движением задел внизу ледяную струю. Колючий, пощипывающий холодок сковывал все тело, мутил голову.

Ветер гнал на улице, крутил у мерзлых ворот жидкую поземку, сдувал с лопатинского дома снежную пыль...

И окатила Григория новая волна отчаянной злобы на Андрея Веселова, на Федора Семёнова, на весь мир...

Накинув полушубок, Григорий побежал к Терентию Зеркалову. Больше ему идти было некуда. Долго стучался в двери, дергал ее покрасневшими на морозе руками, пока не услышал за спиной:

– Чего ломишься? – Сзади стоял Терентий. Он вышел через заднюю дверь во двор, а оттуда к Григорию. – Пойдем, – снова коротко сказал Терентий, не дожидаясь ответа Бородин. Повернулся и пошел во двор. Григорий соскочил с крыльца.

Дом Зеркаловых был пуст. В комнатах в беспорядке валялась старая одежда, мешки из-под муки, стулья, пустые сундуки. «Вот оно что! – подумал Григорий. – И Зеркаловы увезли добришко!»

– Вы что же это? А я думал: только Лопатин да поп... – И Григорий обвел руками пустые комнаты.

– Не мешало бы и вам, – ответил Зеркалов. – Лопатина вон грабят, Веселов раздает мужикам все, что не успел вывезти Алексей Ильич.

Григорий только усмехнулся:

– Нас раньше еще... – Он хотел сказать «ограбили», но, заметив, как раздулись тонкие ноздри Терентия, запнулся. – А теперь что же... Сегодня смотрю в окно – флаг...

– Раньше не решались, а теперь вывесили, сволочи, – кивнул головой Терентий. – Революция, говорят, произошла где-то там...

Этого Григорий уже не понимал. Повертев головой, он спросил:

– Так сколько их, этих революций, будет? Ведь, по слухам, была уж одна.

– Я почему знаю! – заорал вдруг Терентий, затряс головой так, словно раз и навсегда решил вытрясти из нее всю перхоть. Однако добавил: – Говорят, то была какая-то буржуйская революция, теперь эта... как ее? Булькающее такое слово... пролетарская.

– Как же теперь, а? Что же будет?

– Раз пришел – выпьем, что ли? – вместо ответа проговорил Терентий. – Батя в отъезде, понимаешь, один я...

Григорий равнодушно посмотрел на стакан самогонки, который подсунул ему Терентий, потом снова обвел глазами пустые комнаты.

– В отъезде? – переспросил он, выпил одним духом самогон и прохрипел: – Сволочи!

Пока Терентий соображал, кого Григорий назвал сволочами – тех, кто вывесил красный флаг, или их, Зеркаловых, Бородин вышел.

...До вечера бродил Григорий по улицам, прислушивался к разговорам. Мимо него мужики несли лопатинское добро – посуду, одежду, зерно. Помедлив, Григорий двинулся к дому лавочника. Навстречу бежали неразлучные Ванька Бутылкин и Гошка Тушков. Гошка тащил узел какой-то одежды, прижимая к животу обеими руками, а Ванька Бутылкин – круглое блюдо, ведро и два ухвата.

– Ухваты-то зачем взяли, черти? – не удержался Григорий от удивленного возгласа.

– А что? Пригодятся, – буркнул Ванька. – А то продадим...

– Ты иди, иди скорей туда, – мотнул Гошка головой назад. – А то все растащут. Черт, побежали, Ванька, а то не успеем больше...

Все двери лопатинского дома были открыты настежь. Оттуда валил пар, непрерывно выходили люди с узлами, с набитыми чем-то мешками. Много народу толпилось и во дворе. Здесь раздавали чай, сахар, ситец и другие товары, вытаскивая все это прямо из лавки. Некоторые из страха отказывались.

К удивлению Григория, не кто иной, как Федот Артюхин, убеждал:

– Берите, берите, потому – советская власть. Сейчас повсеместно буржуйское добро простому народу раздается.

Старики позажиточней недружелюбно посматривали на разглагольствующего Федота. Однако вели себя пока осторожно, держались кучкой.

– Может, и нас зачнут трясти после Лопатина? – тревожно смотрел Игнат Исаев на Демьяна Сухова и других стариков.

– Не должно, – ответил ему Демьян Сухов. – Лопатин вечно в кабале народ держал, а я, к примеру, все своим горбом нажил. У меня за всю жизнь работников не было.

– Глядите, глядите, старики... А то, может, правильный пример батюшка Афанасий указал нам, а?

– Да куда мы поедem с родной деревни-то? Куда? – спрашивал Кузьма Разинкин. – Мне, к примеру, некуда... Может, ничего, может, обойдется...

– Ну, ну, глядите сами, – не унимался Игнат Исаев.

Григорий окликнул Федота. Тот вскинул голову, улыбнулся ему, как старому знакомому.

– А, Бородин!.. – И выбрался из толпы. – Здорово, Гришка!

Григорий на приветствие не ответил, хмуро спросил:

– Ты откуда объявился?

– С того света, Григорий, и без пересадки – в Локти. Прострелили ведь мне немцы оканные легкое на фронте... А потом доктора чуть не замучили. Третьего дня я и прибыл к женке...

Григорий повернулся и пошел прочь, будто только и приходил, чтоб поговорить с Федотом.

Терентий Зеркалов в новом, туго затянутом широким ремнем полушубке с пышными сизоватыми отворотами тоже болтался среди возбужденно шумевшей толпы, сдвинув на затылок шапку, прохаживался во дворе лопатинского дома. Подойдя однажды к Андрею Веселову, спросил, нехорошо усмехаясь:

– Та-ак-с... Грабите?

– Конфискуем кулацкое имущество, – ответил Веселов.

– Ну, ну... – И отошел, посвистывая.

Тихон Ракитин проводил его взглядом, спросил у Андрея:

– Чего он ходит тут? Отец скрылся, а сынок ходит по деревне, высматривает что-то. Не нравится мне это, неспроста. Может, арестовать его? Ведь тоже... элемент.

– Отца-то надо бы, точно. А сына... Приедет Семенов – посоветуемся, – ответил Веселов.

– Может, мы и с Лопатиным неправильно, а? – засомневался Ракитин вдруг. – Может, опечатать бы пока имущество да караул поставить?

– Ну, здесь все по закону, – сказал Веселов. – Постановление Совета было? Было. Вот опоздали только, дали сволочам главное-то добро упрятать.

Прошел день, два, неделя. Возбуждение, вызванное в народе известием об Октябрьской революции, немножко улеглось. Из города пока никто не ехал. О Семенове тоже ничего не было слышно.

Андрей Веселов, Тихон Ракитин и другие члены Совета теперь допоздна засиживались в лопатинском доме, прикидывая, что же делать дальше.

Часто заходил сюда Федот Артюхин, не снимая шинелишки, грелся у печки. А отогревшись, вступал в разговор:

– Чего нам думать? Власть советская установилась? Установилась. Теперь – заживем!..

– Так ведь надо как-то... по-другому теперь, – высказал однажды мысль Авдей Калугин.

– Чего по-другому? – вскидывал голову Федот. – Пахать будем весной да сеять на лопатинских, на зеркаловских землях... Вот тебе и заживем!

– Э-э, замолчи тогда... – махал рукой Степан Алабугин. – Вот нам, к примеру, на чем пахать и сеять? Не на чем. И семян нету у нас. Вот и выходит мне продолжение гнуть спину на Бородина.

Степан пошлепал по горячей печке-голландке красными от холода руками и, взглянув на Калугина, закончил:

– Не-ет, Авдей правильно говорит: по-другому надо теперь как-то. А как?

– Семян дадим тебе, Степан. И плуг выделим, – говорил Андрей. – А вот лошадь – тут подумать надо. Нет у нас лошадей, кулачье угнало своих. Но ты не горюй, из положения выйдем. Я думаю так, товарищи... Всем безлошадным отведем землю в одном месте. Зажиточных мужиков обяжем по одной лошади на время сева выделить. Вот и вспашете.

Андрей останавливался, думал.

– Вот так... А может, еще что придумаем. Власть наша теперь. Без пашни не оставим никого, Степан.

* * *

До конца зимы Григорий редко показывался на улице. Зато отец его каждый день бегал «по новости». Возвращаясь, сбрасывал заскорузлый на морозе полушубок, со звоном кидал в угол палку, вытирая слезящиеся глаза, и говорил одно и то же.

– Чего им, сволочам. Жрут лопатинский хлеб.

Затем отец стал приносить более подробные новости: вчера исчез, уехал куда-то Терентий Зеркалов, сегодня состоялось собрание жителей всего села, и беглый Федька Семенов высказывался прямо со стола...

– Какое собрание? О чем? – спросил Григорий.

– А бес их знает! – зло ответил отец. Но, походив из угла в угол, проговорил: – Андрюшка Веселов тоже высказывался: все вы, говорит, должны поддержать советскую власть.

А недели через три принес откуда-то газету и швырнул ее в лицо Григорию:

– Читай. Сказывают, про то собрание тут напечатано.

Газета называлась «Революционная мысль». Григорий долго рассматривал ее со всех сторон, пока отец не ткнул пальцем в газетный лист:

– Ты здесь читай...

Григорий прочитал заголовок, подчеркнутый тонкой линейкой: «Голоса из деревни». И ниже, крупными буквами: «Крестьяне поддерживают советскую власть».

Дальше шли резолюции, принятые на собраниях сел и деревень уезда. Каждая начиналась словами: «Мы, граждане села Бураевка...» «Мы, жители деревни Ново-Михайловка...» И, наконец, Григорий прочитал: «Мы, крестьяне села Локти, обсудив вопрос о советской власти, считаем, что Советы есть истинный наш государственный орган, который защищает интересы трудового народа. Мы выражаем полное доверие советской власти и будем всеми силами поддерживать ее. Председатель сельского комитета Веселов».

– Где взял? – только и спросил Григорий, бросая газету.

– Где?.. Веселов народу раздает их...

Ночами по-прежнему свистел ветер за стеной, гонял снежную поземку по обледенелой поверхности озера, по черным глухим улицам села, громко хлопал красным флагом на крыше лопатинского дома...

2

Весна 1918 года пришла в Локти вместе со слухами о страшном голоде, который гуляет по России.

– Бог – он все видит, он не простит, – зловеще поговаривали мужики позажиточней. – Голод – еще цветочки, того и гляди мор зачнется... Узнает народишко, как на царя руку поднимать...

– Сказывают, у всех мужиков будут хлеб отбирать, чтоб большевиков кормить.

– Андрей Веселов уже бумагу получил, в которой приказано у всех начисто сусеки выгрести.

– Чего болтаешь, а сеять чем будем? И до осени чем питаться?

– Жрать теперь необязательно, молитвой сыт будешь. А поскольку так – зачем сеять?

Андрей действительно ходил по деревне мрачный, озабоченный.

А вскоре объявил общий сход.

– Вот какое дело, товарищи, – тихо начал он, когда народ собрался.

– Нашел товарищей...

– Они у тебя, поди, по лесу рыщут, волками зовутся... – раздался голос Петра Бородина.

Бледнея от клокотавшей в груди ярости, Андрей, чтобы как-то сдержаться и не двинуть Бородину прямо в рожу, сунул руки в карманы, отвернулся и стал смотреть на запутавшихся в ветвях невысокого тополя воробьев. Толпа смолкла, напряженно замерла в ожидании.

Справившись с собой, Андрей ответил Бородину, так и не вынимая рук:

– Мои товарищи – вот они стоят, вокруг меня. Мои товарищи там, в Москве и Петрограде, борются за советскую власть. Многие мои товарищи головы свои сложили за эту власть, но завоевали ее. А оставшихся в живых буржуи хотят с голоду уморить. По лесам-то рыщут твои товарищи, Бородин, вроде Зеркалова да Лопатина. Они попрятали там, в лесах, хлеб, пожгли его, засыпали им колодцы. Вот почему голодают рабочие Москвы и Петрограда...

Андрей говорил медленно и негромко. Но люди стояли не шелохнувшись. Поэтому каждое слово отчетливо печаталось в полнейшей тишине.

Петр Бородин повертел головой из стороны в сторону, как сова при ярком свете, и стал проталкиваться из толпы.

– В общем, от нас, крестьян, зависит сейчас многое, – продолжал Веселов. – Зависит судьба советской власти. Голод – не тетка, и если мы не поможем...

Вперед тотчас же выступил Кузьма Разинкин и, перебивая Андрея, закричал, чуть ли не плача:

– Да ведь у нас самих сеять нечем!.. Нечем!..

– Это у тебя-то нечем? Амбар от пшеницы ломится...

– В амбаре есть, да не про твою честь...

– Взять у него, как у Лопатина!..

– Я тебе не Лопатин, я своим горбом хлеб выращивал... Тронь попробуй! – заявил Кузьма, невольно стихая, прячась за спины мужиков.

– Тронем! Подумаешь, девка стыдливая – не прикасайся к ней.

Веселов еле успокоил расхोлившихся мужиков, достал из кармана газету.

– Вот послушайте, что пишут нам, сибирякам, рабочие Петрограда: «Товарищи сибиряки! На вас...»

– Постой, так и пропечатано: «Товарищи сибиряки»?! – воскликнул вдруг Федот Артюхин, питавший особое доверие к печатному слову: – Покажи!

Взяв газету, Федот долго, по слогам, вслух складывал слово: «то-ва-ри-щи...» И, засветившись от удовлетворения, вернул газету Веселову:

– Верно ить, чтоб их козел забодал... Так и пишут. Читай-ка, Андрей.

– «Товарищи сибиряки! – снова прочитал Веселов. – На вас вся надежда красного Петрограда. Юг у нас отрезан изменниками – калединцами, в северных же губерниях хлеба для себя не хватает, так что нам здесь, петроградцам, приходится вести двойную борьбу – с буржуазией и с голодом...»

– Видали! – обернулся Федот к народу. – С буржуазией, то есть с такими, как Лопатин наш... да еще кое-кто. И с голодом...

– «Борьба становится страшно напряженной, – продолжал читать Веселов, – и ваша товарищеская поддержка нам необходима. Голод – это страшное орудие в руках буржуазии, и от вас, товарищи сибиряки, зависит не дать буржуазии воспользоваться этим орудием и восторжествовать над революцией. Товарищи сибиряки, мы просим вас, как ваши братья по крови и плоти, снабдите красный Петроград – это мозг и сердце великой русской революции – хлебом, и тогда дело свободы русского народа будет обеспечено...»

– Понятно, чего там... Красно написано, да только не для нас... – крикнул, не вытерпев, Игнат Исаев.

– Как не для нас, как не для нас?! – замахал руками Федот.

– Ясно все, Андрей. Сколь можем – поможем... – отчетливо сказал Авдей Калугин.

– Говори, по сколько пудов с каждого двора положено...

– С кого положено – пусть берут. А у меня нету хлеба... – не сдавался Исаев.

Андрей еще подождал, пока немного улягутся страсти. Потом проговорил:

– Нам надо собрать двести пятьдесят пудов. Мы распределили тут, кому сколько сдать...

У кого только на семена осталось – брать не будем...

Последние слова Андрея потонули в поднявшемся гвалте. Кричали преимущественно зажиточные, и громче всех – Игнат Исаев:

– Видали – они уже распределили...

– А ты считал, сколь у меня хлеба?

– Вот те и Советы – грабят народ...

Демьян Сухов, молчавший до этого, вдруг сказал неожиданно для всех, обращаясь к Исаеву:

– Да ведь слышал же ты, Игнат Дементьевич, – люди в Петрограде голодают.

– А по мне хоть повсюду пусть подохнут... Ишь ты, жалостливый какой нашелся!..

Веселов закричал, перекрывая все голоса:

– Ти-хо! Спокойно, говорю!..

Шум медленно пошел на убыль. Не дожидаясь, когда он стихнет окончательно, Андрей проговорил сурово:

– Насчет хлеба разговор не шуточный у нас...

Петр Бородин не стал дожидаться конца собрания, побежал домой. Он с таким грохотом швырнул свою палку в угол, что Григорий, привычный к таким возвращениям отца, на этот раз удивленно поднял голову:

– Чего ты гремишь?

– Чего, чего... Хлеб отбирать будут, вот что! Господи, что за напасти на нас!!

– Кто будет отбирать хлеб, почему?

– Почему? Сходи на улицу. Народ расскажет тебе...

Григорий оделся и вышел.

Вечером Петр Бородин, отодвинув чашку с чаем, спросил у сына:

- Что же, Гришенька, делать будем? Может, закопаем хлебушек?
- Как ты закопаешь? Земля-то мерзлая еще.
- А как же быть тогда?

Григорий молча поднялся и пошел спать. Утром вывел из конюшни лошадь и стал запрягать.

- Куда? – высунулся было отец в двери.
- Хлеб повезу Андрюшке.

Старик только икнул и осел на пороге. Григорий краем глаза глянул на отца, усмехнулся и, сжавившись, проговорил:

– Ждать, что ли, когда сами придут к нам? Я узнал вчера, нам немного – двадцать пудов. Отвезем, чего уж... Демьян Сухов вон – тоже повез. Пусть подавятся. А остальное – спрячем куда-нибудь, как земля оттает...

Старик покорно кивал головой.

Несколько недель спустя Григорий действительно выкопал ночью во дворе яму, сложил туда мешки с пшеницей и зарыл. Сверху навалил еще кучу навозу.

Меры предосторожности Бородины приняли не зря. В течение лета Веселов несколько раз объявлял о дополнительной продразверстке. Но Петр Бородин отговаривался, что зерна у него нет, а сколько было – все сдал.

- Спрятали вы хлеб, – говорил Тихон Ракитин, не веря Бородину.
- А ты приди, поищи, – предлагал старик, а у самого сердце заходило: «Вдруг найдут».
- Приходили, искали, но безрезультатно.

– Ты, сынок, сена бы привез возика два, сметал на то место, – сказал Петр сыну как-то уже под осень. – Все-таки спокойнее было бы... Игнат Дементыч вон тоже под навоз прятал. Нашли вчера. Как бы не навело их теперь...

Но именно сено и «навело» на бородинский тайник.

Хмурым октябрьским утром во двор ввалилась куча народу. На крыльцо в расстегнутой телогрейке вышел Григорий, сел на перила, зевнул. Достав из кармана горсть каленых семечек, начал плевать на землю, не обращая внимания на людей. Среди толпы стоял и Федот Артюхин. Сдвинув на затылок военную фуражку, он выдвинулся вперед и негромко крикнул:

- Эй, ты!..
- Ну, – коротко отозвался Григорий.
- Не нукай, не запряг еще, – огрызнулся Федот.
- Вы по какому делу? – спросил Григорий сразу у всех. – Если насчет хлеба, то зря. Нет у нас лишней пшеницы.

– А чего это сено вздумали перевозить так рано? – спросил Тихон Ракитин.

– Какое сено? – невольно вскочил с перил Григорий. Но, поняв, что выдает себя, поспешил сесть обратно.

– А вот это самое, – указал Артюхин рукой через плечо. – В прошлые годы ты всегда по первопутку возил, а то и зимой.

– В самом деле, мы проверим, Григорий, – проговорил Веселов. – Ну-ка, тащите с пяток вил.

Григорий не знал, что делать. Но когда в руках у мужиков появились вилы, сорвался с крыльца, подскочил к Веселову.

– Не дам! – закричал он в лицо Андрею. – Разворочаете замет, а кто складывать будет?

– Отойди, – спокойно проговорил Веселов. – Если ничего нет под сеном, сами сложим его в стог.

Постояв, посмотрев, как мужики быстро работают вилами, Григорий повернулся и не спеша ушел в дом. В горнице, прикладывая мокрую тряпку ко лбу, валялся отец, жалобно

подвывая. Потом из окон второго этажа Григорий смотрел, как мужики, раскидав сено, копали землю, вытаскивали мешки с пшеницей, грузили их на подводы и увозили со двора.

Целую неделю, Григорий не говорил ни слова. Отец, оправившись немного от потрясения, тихим голосом просил его:

– Сметай хоть сено-то, Гришка. Того и гляди снег повалит ведь. Пропадет сено-то...

Григорий только отмахивался.

Тогда старик вспомнил об Анне Тумановой. За несколько фунтов прогорклой муки она кое-как сложила сено в кучу. И вовремя. На следующую же ночь, без ветра, без дождя, на сухую землю лег снег.

* * *

Через несколько дней Анна снова переступила порог бородинского дома. Отец куда-то ушел, Григорий был один.

– Чего тебе? – спросил он.

– Есть нечего, – тихо проговорила женщина, отворачиваясь от Григория. – Мука, которую отец дал, давно кончилась. Может, еще какая работа найдется у вас?

Григорий долго смотрел, как со старых, неумело подшитых валенок Анны Тумановой медленно стаивал снег.

– Нету работы, иди, – сказал он наконец.

Женщина продолжала стоять, снег таял у нее на ногах.

– Ну, чего стоишь? Уходи. Или еще что хочешь сказать?

– Нет, я чего же... я пойду, – покраснев, промолвила Анна. – Видела я, отец твой пошел куда-то...

– Уходи ты к чертовой матери отсюда! – глухо воскликнул Григорий. И, видя, что она все еще медлит, прибавил, чтоб избавиться от нее: – Вечером я сам принесу тебе муки.

Сказал – и забыл. А дня через три почему-то вспомнил. Неожиданно для самого себя он, когда наступили сумерки, в самом деле пошел к Анне, прихватив каравай хлеба. А ушел от нее уже утром.

С тех пор Григорий частенько стал бывать у Анны. Никогда ни о чем не спрашивающая, неизменно покорная, она даже чем-то нравилась ему. Может, тем, что единственная на всей земле молча признавала его силу, его власть над собой. А может быть, тем, что хоть ее мог купить он, Григорий Бородин.

* * *

Каждое утро Петр, встав с постели, подбегал к окну и торопливо окидывал взглядом озеро. Черные тоскливые волны катились из края в край, как и вчера, как и позавчера, как неделю назад. Старик, тяжело дыша, отворачивался от окна, колот взглядом бабку-стряпуху, собирающую на стол, Григория, валявшегося на кровати, но ничего не говорил.

Чай пил молча, с остервенением дуя на блюдце. Однажды в блюдце с потолка упал таракан. Этих насекомых Петр уважал, считая, что они приносят в дом богатство. «Таракашки на потолке – значит, медяшки в кошельке», – сказал он Григорию, когда они переехали в новый дом, и вытряхнул из тряпки целое стадо тараканов. Они частенько падали с потолка то в суп, то в чай, и Петр каждый раз говорил: «Дурачок-мужичок... С курицы – навар, а с тебя какой товар?» – и легонько сдувал их на край тарелки или блюдца, невозмутимо продолжая есть. Но в этот раз, увидев в блюдце таракана, вдруг взорвался, трахнул блюдце об пол и забежал из угла в угол, топча разлетевшиеся осколки.

После завтрака Петр обычно опять сидел у окна и смотрел на озеро, потом шел в завозню, пересчитывал мешки с галантереей, будто до сих пор не знал, сколько их, и снова до вечера сидел у окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.